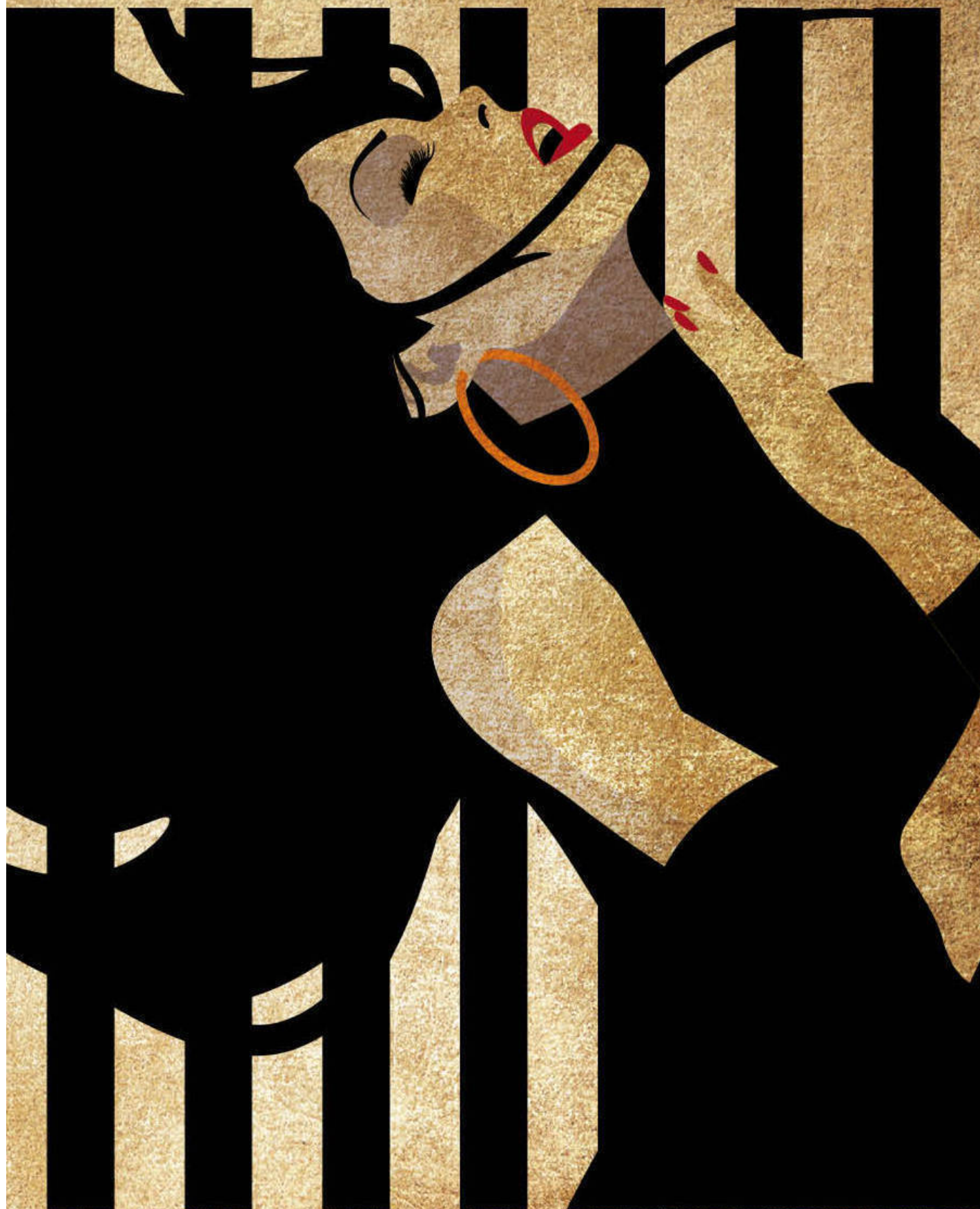

ГАЛИНА РОМАНОВА

МЕСТЬ СПЯЩЕЙ КРАСАВИЦЫ

Детективная мелодрама

Галина Романова

Местъ Спящей красавицы

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Романова Г. В.

Месть Спящей красавицы / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2016 — (Детективная мелодрама)

ISBN 978-5-699-88747-7

Идеальный мужчина существует – где-то в сибирских городах такие еще рождаются. Саша умеет быть жестоким, как положено полицейскому, но в душе он верный рыцарь, недаром десять лет не может забыть первую любовь. Его красавица Настя погибла в тайге в роковую метельную ночь, и Саша по-прежнему винит в этом себя. Разве сама судьба не должна помогать идеальному влюбленному? В захолустном райцентре за тысячу километров от родных мест Саша найдет следы, ведущие в Драконью пасть – то самое заснеженное ущелье, где пропала Настя. Здесь ему предстоит доказать, что там, где бессильны богатство и власть, свое слово должна сказать любовь. Только она поможет одним героям этой истории забыть саднящую боль, а другим – излечиться от воспоминаний... Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88747-7

© Романова Г. В., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	32
Глава 7	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Галина Романова

Месть Спящей красавицы

© Романова Г.В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

Каждый их шаг отдавался в голове визгливым скрипом. Он никогда не думал, что снег может издавать такие отвратительные звуки. Всегда считал его беззвучным, невесомым, красивым. Это когда осторожно засыпало двор дома парящими в безветрии снежинками. А он из комнаты рассеянно наблюдал. Стоял у окна, кутаясь в теплую кофту отца, и наблюдал, как падает снег. И находил, что в этом хаотичном полете тоже есть свой порядок. И он безмолвен и красив.

В руках большая керамическая чашка отца с горячим сладким чаем, настоящим на смеси ароматных, непременно полезных – по мнению мамы – трав. Из кухни тянет творожной запеканкой с изюмом – мама затеяла. В доме тихо, тепло, хорошо. Можно думать о чем угодно. И мысли такие легкие, нежные, парящие, как снег за окном...

– И она стоит такая с сигаретой у окна, улыбается ему и говорит... Я умру не сегодня, представляешь?!

Вопрос, перекрывший мерзкий скрип под их подошвами, заставил его вздрогнуть. Настена поправила мелкую прядку волос, выскочившую из-под вязаной шапочки, ниже натянула ее, почти на самые глаза, и жалобно улыбнулась посиневшими от холода губами.

– Представляешь?!

– Кто представляет? Я? Или она?

– Ты, – она растерянно моргнула и остановилась. – Ты представляешь?

И он тут же наткнулся на нее и едва не упал. И сразу панически озверел. Ему... Им нельзя падать! Нельзя останавливаться! Остановка – это смерть!

– Чего встала? – заорал он не своим, хрипым от холода голосом. – Чего встала? Ну! Пошла, пошла!

– Саш... – ее мохнатые от инея ресницы задрожали. Синие губы пошли ломаной линией. – Саш, не ори на меня, ладно?

А он бы больше и не смог. Он забыл на краткий миг, что ему не только нельзя останавливаться. Ему и на Настю смотреть нельзя. Потому что он тут же начинал задыхаться от жалости. От понимания того, что это он, он во всем виноват! В их несчастном жалком положении. В том, что у него поломался снегоход и они вторые сутки бредут по кромке леса, пытаясь выйти к людям, и, кажется, заблудились. В том, что она промерзла до костей, и вымоталась, и, похоже, потеряла всякую надежду.

– Не буду, – еле выдавил он. Задышал часто. И спросил: – И что дальше-то было?

– Где?

Настя тоже дышала часто. От обиды? И от обиды, конечно. Но больше от усталости и страха. Ей было страшно, очень. Он это видел. Она боялась, что они не дойдут до стойбища оленеводов. А оно должно быть уже где-то близко. И он обещал ей, что они обязательно дойдут.

Боялась диких зверей, хотя они за два дня, что шли, так ни разу никакого зверья и не встретили. И даже ночами, когда жгли костер и тесно жались друг к другу, боясь засыпать, к ним никто не вышел из чащи. И слава богу!

Боялась, что больше никогда не увидит своего отца, а она его очень любила. И всегда ставила его Саше в пример. И это его немного бесило. Не у нее одной, слышь, были такие образцово-показательные отцы, любящие своих детей всем сердцем! Просто ее отец был жив, а Сашин погиб на охоте. Пять лет назад погиб. При загадочных, как мама утверждала, обстоятельствах. В полиции, правда, в его гибели ничего загадочного не увидели.

Был на охоте с другом? Замечательно! Зачем было разделяться? Зачем один пошел в одну сторону, а второй в другую? Не знали, как потом добычу станут делить? Упал Сашин отец с какой-то высоты? Упал! Заключение экспертов о ссадинах и множественных ушибах имеется.

А также порванная одежда. Ногу сломал? Да! Дойти не смог? Тоже да. Вот вам и причины его гибели. Где же тут загадка?!

Но мама в такую нелепость верить отказывалась. Утверждала, что упасть отец с какой-то там высоты не смог бы, толкай его! Он эти сопки знал как свои пять пальцев! Он каждого зверя знал в морду. Он...

Внутри все вдруг сжалось от дикого страха за мать. Как же она?! Как же она сможет пережить, если и с ним подобная беда приключится? Если и его найдут скорчившимся и замерзшим под еловыми лапами, как нашли его отца?! Что станет с ней?

А Настя! Она...

– Чего замолчала, малышка?

Саша раздвинул губы, пытаясь улыбнуться, хотя было очень больно это делать. Рот обветрил и саднил.

– Что? – Настя неуверенно сделала шаг вперед.

– Ты рассказывала мне историю про какую-то женщину, которая стояла у окна и говорила, что умрет не сегодня. Ну!

– Неудачная история. – Ее замерзшее лицо, казавшееся почти прозрачным, сделалось хмурым. – Она плохо закончилась.

– И все же?

Они должны были разговаривать, хотя это и отнимало силы. Если замолчат, то все. Это почти то же самое, что остановиться!

– Она умерла в тот же миг. – Настя протяжно вздохнула, будто всхлипнула. – У нее под окном что-то такое было с газовой трубой. И там велись работы. Ее попросили не курить. А она крутую из себя корчила. Стояла и пепел за окно стряхивала. Ей раз замечание сделали. Два. А она такая: я умру не сегодня. И снова пепел стряхнула. И как бабахнет! И ее потом с потолка соскребали... Саш...

– Что?

Он нахмурился. История и правда была так себе. И чего это Настя ее вспомнила?

– Саш, мы тоже, да?

И она снова остановилась. Спина прогнулась дугой и дрогнула. Она собиралась зареветь. А он панически боялся женских слез! Ничего так не боялся, как слез женщин. Даже волк когда из чащи вышел на его тропу, а отец где-то отстал метров на тридцать, Саша так не испугался. А вот когда плакали женщины, и особенно Настя...

– Настя! Настя, прекрати немедленно! – хрипло заорал он и пошел на нее. Быстро, как ему казалось. Странно замедленным казался скрежещущий скрип под ногами. Странно замедленным. Он дошел до нее, обхватил сзади, прижал ее спину к своей груди. С силой, которая еще осталась, прижал. И зашептал: – Не смей! Не смей сдаваться, слышишь! Пока мы идем, дышим, мы живы!

– Нас не ищут? Почему нас не ищут, Саня?! Мы идем по самой кромке, тут и снега мало, и деревьев. Нас же видно с воздуха! У меня яркая курточка и штаны. Почему?! Мы... Мы никому не нужны, да?!

Она завозилась в его руках, разворачиваясь к нему лицом. Глянула мокрыми от слез глазами. Тоскливо глянула, нехорошо, без надежды. Совсем худо!

– Девочка моя, ну что ты такое говоришь, а? Нас ищут! Непременно найдут! И даже если и не найдут, то мы сами...

Его голос вдруг сделался глубоким, гортанным, как у мастера горлового пения. Он присутствовал однажды на празднике у оленеводов, слышал. Понравилось. Никогда не думал, что сможет повторить. И вдруг вышло.

– Что мы сами?

Кончик ее носика – острый, холодный, как льдинка, уперся ему в щеку.

– Мы сами спасемся, Настюша! Мы дойдем до стойбища. Оно совсем рядом! Мне даже кажется, что я чувствую запах дыма.

– Это мы с тобой пропахли, Сашка, – прошептала она и тронула его щеку губами, обветренными, шершавыми. – У нас почти не осталось газа в зажигалке. Почти не осталось.

– Но ведь осталось же, малыш! На сегодняшний костер нам хватит. А завтра мы уже выйдем к стойбищу! И у нас с тобой еще – о-го-го – целая пачка печенья! Живем! – Он теснее прижал ее к себе, задышал ей в лицо, пытаясь отогреть щеки. – Все будет хорошо, слышишь? Верь мне! Мы спасемся!

– Да. Я верю.

Она зажмурилась и странно блаженно улыбнулась. И вдруг обмякла в его руках и начала оседать.

– Настя! Настя, нет! Не надо, держись! Я прошу тебя! Нужно идти, девочка! Стой!!!

Она слышала его заполошный крик как сквозь вату. Вернее, как будто бы она закрыла голову подушкой, при этом кутаясь в пуховое одеяло, как в кокон. Было тепло, почти жарко и душно, но отчаянно не хотелось из этого кокона вылезать. И звуки, жившие поверх толстой большущей подушки, казались глухими и непонятными. И не разобрать было, кто на кого кричит: отец на Свету, или Света на отца? И совсем казалось неважным, кого они обвиняют в своих семейных непонятках. Либо работа отца виновата, либо Светкина придирчивость. Либо то и другое, вместе взятое. Когда подушка запаздывала падать ей на голову, то Насте доводилось слышать обвинения и в свой адрес. Орала все больше Светка, обвиняя Настю...

Подушка благополучно глушила то, чем конкретно Настя ей не угодила. И звуков бьющейся посуды не бывало слышно. А осколки наутро в мусорном ведре находились. Странно...

Сейчас, она это отчетливо понимала, спасительной подушки не было. Но Сашка орал все равно невнятно. Ее мотало из стороны в сторону. Какая-то грубая посторонняя сила. Но больно не было, нет! Было хорошо, покойно. И вдруг тепло. Да, стало так тепло, так славно. Она словно очутилась в ванне, полной горячей воды. Поверх плавали мохнатые хлопья душистой пены. Светкина блажь! Она кучу денег тратила на эту пену, выписывая ее по каталогу из Франции. А зачем? Вся эта пена потом ключьями повисала на кафеле, и Насте приходилось ее смывать. Почему Насте? Потому что Светка не считала нужным, или могла умчаться из дома, вовсе забыв слить воду. Настя сердилась и, невзирая на запрет, нарочно лила ее дорогую французскую жижу себе в ванну. И не находила в этом ничего особенного. Никогда.

Но сейчас...

Плотная ароматная пена обволакивала ее тело, она согревала ее, убаюкивала. Ум-мм, блаженство! Не нужно было заставлять себя идти все время вперед. Не нужно было считать шаги, дающиеся с каждой минутой все труднее и труднее. Не нужно было проклинать унты, сделавшиеся почти неподъемными. Можно было просто лежать в горячей воде, прятать лицо в ароматной пене и слушать Сашкино дыхание: судорожное, обжигающее. И улыбаться его словам: нежным, славным, обещающим. И она даже поверила на какой-то миг, что все будет у них хорошо. Их спасут, они всю жизнь проведут вместе и будут безгранично счастливы, до тех пор, пока плотная черная масса небытия не поглотит их. Плотная черная масса, надвигающаяся все стремительнее и стремительнее, давящая на грудь, плечи, ноги, забивающая нос, мешающая дышать.

Ну вот и все, озарило ее как вспышкой молнии, это и есть конец всему...

Глава 2

Город, в который он приехал, не был крохотной точкой на карте. Его там вообще не было. Он так подозревал. И провинциальным этот городок назвать было невозможно. В провинциальном, по его разумению, проживало тысяч тридцать человек, никак не меньше. Там должны были быть какие-то фабрики или хотя бы один, но крупный завод. Школы, больницы, детские сады. Магазины, аптеки и отдел полиции, куда он был направлен после окончания школы полиции. А тут что?

Ни заводов, ни фабрик, ни школ, ни больниц. Все это существовало, но за границами этого захолустья, гордо именующего себя городом! Весь живущий тут народ – все пять с половиной тысяч – ездил за тридцать верст в школы и больницы, на фабрики и заводы. На все захолустье имелось три магазина, четко расположенных на равной удаленности друг от друга. А отдел полиции...

Саша Говоров с тоской осмотрел одноэтажное здание, выкрашенное в мрачный фиолетовый цвет. Пыльные окна за решетками, шербоатое бетонное крыльцо, подтекающий в дождь козырек над железной дверью. Тщательно выметенный, укатанный в асфальт дворик с двумя служебными автомобилями. С десяток чахлах деревьев неизвестной Саше породы. Внутри здания пять кабинетов. Начальника, заместителя, участковых, инспектора, выдающего лицензии на право ношения оружия, и кабинет сотрудников уголовного розыска.

В последнем разместился он. Один! И вообще в каждом кабинете было по одному сотруднику. Хотя штатное расписание и предполагало еще двух участковых и еще парочку коллег в помощь Саше. Не было! Не было больше никого. Никто не шел работать в этот отдел, потому что никто не ехал в этот, с позволения сказать, город!

А он вот приехал. Не по своему желанию, конечно. По приказу. Или по чьей-то злой воле. Ему сразу выделили кабинет с пыльным столом и полками. Сводили в подвал, где размещался сейф с оружием. Показали в торце длинного, как кишка, коридора камеру предварительного заключения с толстыми стенами, толстой железной дверью и без окна.

– Круто! – качнул он тогда головой и подергал дверь, та не шелохнулась. – Отсюда не сбежишь!

– Укрепили, – подмигнул ему замначальника. – Пришлось. Два года назад был побег, был...

Кто отсюда мог бежать и почему попался, Саше оставалось только догадываться, поскольку ничего, кроме протоколов о пьяных дебошах приезжих строителей, ремонтирующих мост, в подшивках с делами не нашел. Ничего! Получалось, что в этом странном городе никто ничего не крал, никто никого не оскорблял. И, тьфу-тьфу, никто никого не убивал никогда.

– Странное место! – пожаловался он тем же вечером коту Спиридону, прибывшему к его холостяцкому жилью в первый же день. – Странное, таких не бывает, Спирия!

Кот, сжавшийся в комок возле Сашиних форменных ботинок, глянул на него и тут же зажмурился.

– Может, ты что-то знаешь, а, Спиридон? Может, что-то такое, о чем мне тоже надобно знать?

Саша застыл с ложкой у рта, с которой свисала длинная нитка домашней лапши, приготовленной соседкой.

Та сразу навязала Саше свои услуги по ведению хозяйства и отказа слышать не хотела.

– Возьму недорого! – отрезала она. – Не обедняешь! Тебе все равно тут тратить некуда. Да и один ты...

Но у него вдруг сразу появился кот Спиридон. Не вошел, ввалился в его тесную деревенскую избу с улицы – тощий, лохматый, с неправильно сросшимся хвостом, сломанным, видимо,

в какой-то драке. Все обошел, обнюхал и сразу расположился возле Сашиных ботинок. Сжался в комок и зажмурился. Будто всем своим видом давая понять: все, я тут жить теперь стану. И никаких возражений быть не должно.

Саша спорить не стал. Он еще по соседке понял: спорить с местными жителями бесполезно. И зажили они с котом Спиридоном, как в той сказке: тихо, мирно, без проблем. Утром кот, позавтракав вместе с хозяином, провожал его на работу до покосившейся калитки. В обед, а Саша обедал дома, благо идти было недалеко, и вечером встречал его. Доводил его до кухонного стола, где уже заботливой соседкой все было накрыто. Ключи она у него затребовала сразу.

– Стану я твоих выходных ждать, чтобы избу вымести, как же!

Саша не спорил. Вручил ей вторые ключи, и так обнаглел к третьему месяцу своего пребывания в этом захолустном городишке, что даже перестал убирать и мыть за собой посуду. Знал, Марина Ивановна все приберет и вымоет.

– Небось не останешься у нас насовсем-то? – спросила она как-то, протирая огромное старинное зеркало в единственной Сашиной комнате, где кроме зеркала и шкафа со столом уместился еще и широченный диван, на котором он спал.

– В смысле? – он читал что-то в компьютере и почти ее не слушал.

– Ты же тут на год? На два?

Марина Ивановна обернулась на него от зеркала, в котором сквозь мутные разводы отражалась ее громоздкая нескладная фигура, облаченная в синий рабочий халат.

– Я? – Саша почесал макушку, вздохнул. – Надеюсь, что на год.

– Вот-вот. А потом куда?

А потом он надеялся вернуться в свой родной город, из которого удрал сначала в армию, а потом, не возвращаясь, сразу поступил в школу полиции.

– В Москву небось?

– Почему в Москву?

Он нетерпеливо скосил взгляд на монитор. Там было интересно, а Марина Ивановна его отвлекала.

– Вы все в Москву рветесь! – вздохнула она и снова принялась возить тряпкой по старому зеркалу. – И сын мой туда смылся, как только школу окончил. И невеста его следом за ним. Одна я тут. Внук приезжает раз в пять лет. Что это?! Хорошо, что хоть фирма у него своя там, у сына-то. Невестка дома сидит. Кобыла... Внук молодец! Досрочно школу окончил и сразу на второй курс университета математического поступил. Голова... Жду к зиме на каникулы. Ой как жду! Уже тушенки ведро наварила, законсервировала.

Саша невольно покосился. Спрашивать у Марины Ивановны, из чего та готовит тушенку, постеснялся. Ясно из чего! Из чего и все! Из мяса, добытого браконьерами. Их тут пруд пруди. Валят подряд без разбора: лося, кабана, косулю. И потом продают своим. Участковому и начальнику, конечно, за так отдают долю.

Для него это было не ново. На его родине жили так же. Потому что надо было как-то выживать местным.

Как-то... Выживать...

Это слово он ненавидел. Оно всегда будоражило в нем воспоминания. Болезненные, мутные, отдающие свирепым холодом и чудовищным скрипом снега под ногами.

Он-то выжил, а Настя нет! И мать его не выжила. Сначала слегла от переживаний, что Саню затаскали по следователям, подозревая в убийстве Насти. Потом, когда он решил не возвращаться из армии и поступать, и вовсе затосковала, и померла.

А он, сволочь такая, выжил! А Настя и мать нет!..

– Тушенки-то страсть сколько скопилось. Тебе-то некому послать домой? Я бы продала по дешевке, – пробился сквозь болезненный туман в голове монотонный голос Марины Ивановны. – Некому послать-то?

– Некому, – хрипло отозвался Саша и сгорбился за столом. – У меня никого нет.

– А что так? – изумленно всплеснула Марина Ивановна руками, развернула тряпку, отыскивая место посуше, и снова принялась мотать ею по зеркалу. – Ты глянь какой пригожий у нас! Али девонька не нашлась?

– Девонька не нашлась... – прошептал он и зажмурился.

Черт бы побрал эту Марину Ивановну с ее болтовней! Он запретил себе думать о том дне, когда его нашли оленеводы. Едва живого. Одного. Он запретил себе думать об этом. И не думал. Просто жил. Ел, спал, дышал, говорил, иногда улыбался. Правда, редко. Но о том дне не вспоминал. Потому что было больно, потому что было страшно. Потому что невозможно было представить, что сделали с Настей дикие звери, если это, конечно, они утащили ее из их укрытия той последней ночью, которую они провели в сопках. А не она сама ушла куда-то и сгинула. Провалилась в глубокую яму и замерзла.

– Девонька не нашлась, – именно так шептали ему в спину, когда он шел по улице в своем городе. – Он вон, жеребец, что ему! А девонька так и не нашлась...

Этот шепот рвал ему душу в клочья. Колол острыми иглами в сердце, в мозг, в каждую клетку. Он возвращался домой и выл, корчась в постели. Рвал зубами кожу на ладонях в кровь и выл. Несколько шрамов так и осталось. Мать всерьез опасалась, что он сойдет с ума. Да только сама сошла в могилу.

А девонька так и не нашлась. Ни следа, ни намека на след. Ни клочка одежды, а на ней в тот раз был лыжный пуховый костюмчик. Яркий, нарядный. Светка, жена Настинного отца, заказала себе по каталогу откуда-то из-за границы, да не влезла в него. Нехотя отдала Насте. И она его на лыжне и катке не трепала, надевала по редким случаям. В тот день случай был особенный. Они собрались на день рождения к Сашиному другу в соседний район. На Сашином снегоходе. Настя и нарядилась. Правда, Саша заставил ее обуть унты, заставил снять нарядные сапожки.

– На первом километре очучишься, – проворчал он, сел перед ней на коленки и растянул молнию на сапожках. – Давай, малышка, не упрямься.

– И что я там, по городу, в унтах гулять буду? – Настя надула губы, но переобуть себя позволила.

– День рождения в доме. Туфельки ты с собой взяла, платьишко тоже. Переоденешься, – он пощекотал ее ступни в шерстяных носочках и втиснул в оленьи теплые унты. – Так-то лучше...

Ее пакетик с платьицем, туфельками и тонкими колготками был потом найден вместе со снегоходом. Сломавшимся снегоходом. В тридцати километрах от того места, где нашли едва живого Сашу.

Они прошли с Настей тридцать километров. И не дошли до стойбища оленеводов всего чуть-чуть. Всего два с половиной километра. Они бы непременно дошли, но Настя...

Она обессилела, она сломалась. Она остановилась, а останавливаться было нельзя. И все, конец.

– Зачем ты повел ее в ту сторону, урод? – брызгал потом слюной Саше в лицо Настин отец. – Зачем ты повел ее в ту сторону? Город же, в который вы собирались, совсем в другой стороне!

Это так. Они просто заблудились. И ушли в другую сторону. И их там не искали. Спасатели, охотники, волонтеры прочесывали сопки в направлении соседнего районного центра. И вертолет там же летал. А они в это время замерзали. В двух с половиной километрах от оленеводов. И просто чудом оказалось то, что одному из них выпала блажь в тот день поохотиться. И его собака наткнулась на Сашу. И он остался жив.

А девонька так и не нашлась. Передислоцированные в другом направлении спасатели ее не нашли. И охотники тоже. Ни единого следа. Ни клочка одежды. Настя просто сгинула.

Но Саша узнал об этом почти через неделю. Когда немного оправился от болезни, вызванной переохлаждением. И это было еще ужаснее, чем ярость Настинного отца, чем впоследствии болезнь матери.

– Насти нет с нами, и больше никогда не будет...

Эти слова долгое время снились ему, и он просыпался с криком в холодном поту. Каждый новый сон бывал разным, и люди в нем бывали разными, и события. Но слова, которыми обрывался его сон, всегда оставались одними и теми же.

– Слышь, лейтенант Говоров, – откачнулась от зеркала Марина Ивановна, прищурилась, – принимай работу, что ли.

– Все отлично, спасибо, – он улыбнулся.

Марина Ивановна как только его не величала.

– Вот и ладно.

Она побросала тряпки, стеклоочиститель, мокрую губку в ведро. Подхватила его и вразвалку двинулась к двери. Нелюбезно отодвинула ногой, обутой в старую растоптанную туфлю, Спиридоныча. Тот со вздохом подался в сторону.

– Саня, ты не кручинься, – вдруг проговорила Марина Ивановна, хватаясь за дверную ручку. – Все будет у тебя хорошо в жизни, поверь.

– Спасибо, – он кивнул, попутно подмигнув обиженному коту. – Будем надеяться.

– Надейся! Непременно надейся! – выпалила она и шагнула за порог. – Хорошим людям непременно везти должно. А ты хороший парень. Кишками чую, что хороший. Все будет хорошо, верь мне... Повезет тебе... И твоя девонька найдет тебя...

Он вздрогнул и побледнел то ли от ее слов, то ли от того, с какой силой Марина Ивановна шарахнула дверь. Уставился на эту дубовую дверь, выкрашенную охрой, за которой пожилая женщина только что скрылась. И едва сдержался, чтобы не заорать ей вслед.

Что вот она, а?! Что вот она только что сказала? Зачем? Что нервы-то ему мотает, старая карга?

Он захлопнул крышку ноутбука, уставился за окно, мимо которого старой ладьей проплыла Марина Ивановна. Крупное тело, большая голова, или просто казалась большой из-за пышной седой шевелюры. Острый нос и тонкие губы. В городке ее побаивались и не любили. И участковый, тщательно подбирая слова в разговоре с Саней, посоветовал быть с ней поосторожнее.

– А что такое?

– Да болтают о ней всякое.

Участковый Валера, молодой, неглупый, крепкий малый, строивший себе где-то на окраине дом и собирающийся вот-вот обзавестись ребенком, вдруг трусливо вжал голову в плечи и суеверно перекрестился.

– Болтают, что она на черную мессу в соседний город ездит время от времени!

– Куда-куда? – вытаращился Саша и через мгновение фыркнул. – Ты это... Валер, думай, когда повторяешь за бабами всякий вздор!

– Не веришь? – Валера обиженно поджал губы. – А зря! Я вот лично... Я вот лично ничего не боюсь! В рукопашную на медведя пойду. А этой вот хрени всякой демонической не переносу. Знаешь почему?

– И почему?

– Потому что нет этому никакого объяснения! Никто не взялся объяснить, ни один ученый. Мямлят только и головами качают. А объяснить – хрена!

Саша Говоров вырос в тех местах, где у каждого охотника был свой бог и свой дьявол. Видел и слышал шаманский бубен. И странным пением их был пленен и очарован. Но не более. Ни разу не видел он чудес. Ни разу они не случились. И сколько ни бил в свой бубен один из

местных шаманов, пытаясь пробудить дух Насти и спросить у нее, как она погибла, ничего у него не вышло.

– Не вижу ее в мире мертвых, – выпалил запыхавшийся в своем изнуряющем танце шаман. – Не вижу...

– Она ничего мне плохого не сделала, Валера, – ответил Саша в ответ на предостережения участкового. – И крест православный она носит. Какие черные мессы? О чем ты?

– Ну не знаю, – заявление коллеги о кресте на груди ведьмы его озадачило. – Болтают всякое...

Честно? Он сейчас был готов догнать эту неуклюжую большую женщину в синем рабочем халате, упасть перед ней на колени и заставить отслужить эту чертову мессу, хотя бы для того, чтобы узнать – что стало с бедной Настей? Что?

Глава 3

Струи дождя ползли по стеклу его веранды как длинные, прозрачные, мерзкие черви. Когда он издохнет, возможно, под землей его будут обгладывать именно такие. Нет, надо будет все же распорядиться, чтобы его кремировали, когда он издохнет. И чтобы его прах развеяли над горами. Может, тогда появится шанс встретиться там с любимой погибшей доченькой?

Сафронов Илья Гаврилович завозился в глубоком удобном кресле, натягивая плед до самого подбородка. Со вздохом закрыл глаза, чтобы не видеть непогоду, выедающую ему печень. И постарался погрузиться в дремоту.

И считал, и молился, и напевал про себя. Не вышло задремать, хоть издохни! Все лезут в голову мерзкие мысли о скорой кончине и лезут. А ведь не болен, нет. И силен по-прежнему, невзирая на свои шестьдесят. И в бизнесе все тип-топ, и с бабами. Чего тогда хандра накатила? Погода?

Погода в самом деле мерзостная. Льет вторую неделю. Земля набухла. Кажется, еще немного, и корни деревьев к хренам собачьим вымоет, и сосны с кедрами можно будет дергать из земли, как сорняки. Ходить по его участку и дергать, и выбрасывать за трехметровый забор. И останется тогда тут пустошь – черная, рыхлая, с глубокими дырками в тех местах, где когда-то произрастали деревья. И дом этот огромный и уродливый останется. Напоминанием останется о том дурне архитекторе и его команде строителей, благополучно похороненных много лет назад в глубокой расщелине.

Царствие им...

Илья Гаврилович лениво обмахнул себя крестным знаменем под пледом, не испытав ровным счетом ничего. Ничего, кроме веселого удовлетворения.

Нет, ну а как? Спроектировали и построили, прости господи, ерунду непонятную, а потом еще и денег запросили. Мало того, угрожать судом посмели! Мы, говорят, вам, господин Сафронов, устроим неприятностей! Чудаки, прости господи. Какие же чудачки!

А он что? Он спорить не стал, он им покивал, поулыбался и отправил следом своих надежных ребят. Они их тачку и столкнули в пропасть. В ту, что понадежнее и поглубже. В ту, откуда не выбирают.

Сафронов вздохнул, приоткрыл левый глаз и осмотрел веранду. Добротные колонны, узкие простенки, стрельчатые окна, дубовый пол, отполированный до зеркального блеска. Тяжелая темная мебель. И ни единого растения.

– Я тут один дышать желаю! – рявкнул он как-то на дочь и вышвырнул в окно цветочный горшок.

Больше попыток она не возобновляла, покоровшись его воле. Она вообще была покорной – эта дочь. Та, другая, что сгинула в горах, была норовистой и упрямой гордячкой. Как ее мать! Эта была тихой и покорной.

Вспомнив о ней, он тут же подумал, что не видел ее уже часа три. И сразу забеспокоился. Сбросил с себя теплый плед, в который кутался, намереваясь подремать под шум дождя. Кряхтя, выбрался из глубокого кресла. Сделал шаг, другой, прислушиваясь к хрусту суставов. Поморщился: пыжся не пыжся, а шестьдесят дают о себе знать. Потянулся с протяжным зевком. А потом рявкнул:

– Эльза! Элизабет, где ты?

Девушка, читавшая в этот момент книгу на балконе второго этажа, вздрогнула и выпрямилась в кресле – точно таком же, из которого только что выбрался ее отец. Рассеянно и привычно подумала: что за имя такое идиотское – Эльза? У отца, между прочим, одну из собак так кличут. Может, потому он нарочно и коверкает ее имя, называя Элизабет? Чтобы не перепутать с собакой? По паспорту-то она Эльза. Эльза Ильинична. Бесподобно! Чем это она так

прогневала свою мать во чреве, что та завещала назвать ее этим именем? И кого, интересно, раньше называли: ее или собаку?

Все это пронеслось в голове стремительно, еще до того, как она успела свесить ноги с подлокотника, куда всегда их задирали, читая. Пронеслось и скрылось где-то в черном омуте ее сознания.

Ее сознание в самом деле было черным омутом – глубоким, почти бездонным, с колышущейся на поверхности плотной нефтяной пленкой, сквозь которую не пробивалось ничего.

Она ни черта не помнила! Вообще! Как они все втроем полезли в горы: отец, она и ее старшая сестра Ольга. Как сорвалась и погибла Ольга. Как бесновался от горя на краю пропасти отец, и как она страшно мерзла в том ледяном плену, дожидаясь вертолета, вызванного отцом. Потом у нее была страшная истерика, затем она впала в депрессию и ее долго лечили. Почти год. Кое-кто из домашних сплетников втихаря утверждал, что она так и осталась чокнутой после гибели сестры. И не помогли ни дорогостоящие лекарства, ни еще более дорогостоящие доктора.

Эльза ничего не помнила из своего прошлого. Ничего! Ее жизнь началась десять лет назад, когда ей исполнилось пятнадцать и когда она очнулась на койке в одной из закрытых клиник Швейцарии. Оттуда начался отсчет ее настоящего. Прошлого не было.

Отец иногда забывался и принимался балагурить, что-то рассказывать о ее смешном детстве, как она чудила на пару с сестрой и доводила их няню почти до обморока. Потом ловил ее отстраненный пустой взгляд, озадаченно кричал и замолкал. А после напивался. И привозил в дом шлюх. Эльза в такие отвратительные дни перебиралась в гостевой домик. Но и там были слышны визгливые стоны дешевых баб.

– Эльза! Эльза, девочка моя, где ты?!

Голос отца стал громче. Но в нем не было тревоги. В нем была только злость. Злить его не стоило. Эльза встала с кресла, одернула теплое домашнее платье, вдела ноги в домашние мохнатые сапожки и пошла на зов. Книгу она оставила в кресле, чтобы отец не видел. Он не любил, когда она читала.

– Делом надо заниматься, дочка. Делом! У меня империя, понимаешь! Кому я это все оставляю?! Кому?! Зятю голожопому?!

Эльза морщилась при упоминании о зяте. Она не хотела замуж точно. И отец об этом знал. И оставил попытки таскать в дом перспективных молодых людей.

– Коли ты у меня такая убогая, – вздыхал он, обводя дочь тоскливым взглядом, – и не понимаешь своего счастья, ищи тогда сама себе избранника.

– Это подождет, – сдержанно улыбалась Эльза.

– Тебе уже двадцать пять, дочь моя! – пытался он возмущаться. – Пора, детка, пора!

– Это подождет, – и Эльза по-отцовски упрямо склоняла голову к левому плечу.

– Тогда в дело вникай. Слышишь? Я же не могу все это нищим раздать! – и отец поводил вокруг себя мощными руками. – Это все годами наживалось. Десятилетиями!

– Хорошо, вникну, – обещала Эльза и снова натянуто улыбалась.

Честно? Она ненавидела его бизнес. Не сам бизнес, а именно его! Все там было как-то неправильно. Как-то все не так там делалось. Не так, как ее учили в заграничном университете. Деловые партнеры, которые устраивали ее отца, были похожи на уголовников со стажем, хотя и рядились в дорогие костюмы и туфли ручной работы. А те, что имели вид приличный и цивилизованный, вскоре переставали быть его партнерами. О них Эльза потом вообще никогда ничего не слышала.

– Эльза! – снова заорал отец, стоя к ней спиной на веранде. – Где ты?! Иди сюда, немедленно!

– Папа, я здесь, – тихо отозвалась она от дверей.

– О господи! – Он нервно дернул шеей и обернулся.

Оглядел дочь, скорчил неодобрительную гримасу.

– Что ты вечно как привидение подкрадываешься! – тут же поспешил он возмутиться, кивком указав на ее обувь. – Что на тебе опять надето, черт возьми?! У тебя одежды две комнаты! А ты ходишь как оборванка.

– Я же дома, – тихо возразила она.

– И что?! Дома надо выглядеть пугалом?!

– Я? Пугало?

Эльза поймала свое отражение в темном стекле одного из шкафов. Высокая, великолепно сложенная, длинноногая, густые русые волосы рассыпались до поясницы. Идеальной формы руки, красивое породистое лицо с пухлым ртом, голубыми глазами, точеным носиком.

И это она-то пугало?

– Пап, по-моему, ты того, немного несправедлив ко мне, – она обиженно засопела, как маленькая девочка, собиравшаяся зареветь.

– Ну... Ладно, ладно, не сопи, – проворчал он и примирительно раскинул руки. – Иди ко мне, моя малышка.

Эльза медленно подошла, со вздохом пристроила голову на его мощной груди, осторожно обняла. Она всегда так его обнимала. Сколько себя помнила. А помнила она себя только десять лет.

– В общем так, малыш...

Отец погладил ее по голове, поиграл ее локонами, понюхал зачем-то, он всегда так делал. С самого ее детства. Потом легонько шлепнул по попке, отстраняясь.

– У нас сегодня будут гости.

По тому, как именно отец это сказал, Эльза поняла, что визит для него очень важен. И насторожилась.

– Так. И?

– Будет один бизнесмен. Весьма, весьма влиятельный господин. У него выходы о-го-го куда! – отец проткнул толстым пальцем воздух у себя над головой.

– Небожитель, что ли? – насмешливо фыркнула Эльза.

– Не язви, малышка, не язви, тебе не идет, – прикрикнул на нее отец и снова оглядел оценивающе. – Тебе нужно привести себя в порядок.

– Я в порядке, папа, – кивнула она и шагнула к дверям, ведущим с веранды.

– Я сказал, в порядок! – взревел отец.

Догнал ее, схватил за руку, развернул на себя. Тут же второй рукой взлохматил ей волосы.

– Это значит, что должна быть прическа, макияж, хренаж и все такое! И платье! – Его сильные руки вцепились в ее подол и принялись трепать из стороны в сторону. – И платье должно быть нормальным! Красивым! А не это рубище! Поняла меня?!

– Да, папа.

Она не нервничала. Она привыкла к его грубости. Ну, был он таким, что сделаешь! Еето он любил. Очень любил! Она единственная, оставшаяся в живых из их семьи. И грубость его сейчас была вызвана ее тихим упрямством. А это его бесило еще больше. Он ей счастья желает, а она...

– Я оденусь, причешусь, – пообещала она и поцеловала его в нос, поднявшись на цыпочки, отец был просто великаном.

– Вот и умница, – он в ответ чмокнул ее в лоб. И извиняющимся голосом добавил: – Этот человек важен для меня. Это для нас с тобой новый уровень, малыш. Это Москва! Это город власти, денег и возможностей. Хватит тебе уже тут сидеть, в этой глуши. И...

– А мне дома нравится, – перебила она его с улыбкой и пошла прочь, но вдруг решила уточнить: – А он что же, старый, пап?

– Кто? – Сафронов думал уже о чем-то своем и не сразу понял.

– Ну, этот, с кем ты меня хочешь познакомить? Он очень старый?
– Почему ты так решила? – он неожиданно развеселился. – И что в твоём понятии старый?

– Ну-уу, лет пятьдесят, шестьдесят.

– Ого! – он громко рассмеялся, запрокидывая громадную, как у медведя, голову. – Это отец у тебя, получается, тоже старый?

– Нет, папка, ты молодой! – Эльза покраснела, поняв, что ляпнула не то. – Ты всегда будешь молодым для меня!

– То-то же, – он оборвал смех. – Нет, малыш, конечно же, я не собираюсь тебя отдавать в руки старому пердуну. Этот бизнесмен придет с сыном.

– А сыну сколько?

– Тебе ровесник. Или даже чуть помладше, – отец почесал затылок, припоминая. – Не помню, а он ведь говорил, сколько лет его пацану-то... Да неважно. Важно, что парень хороший.

– Тоже бизнесмен?

– Нет, в том-то и дело! – оживился отец. – Он как раз в твоём вкусе. Тоже умник хоть куда! Он математик. Школу экстерном окончил. Сразу на второй курс университета поступил.

– Ботан? – сморщила носик Эльза.

– Нет. Красивый, спортивный. Увидишь сама. Главное, не подведи меня, хорошо? Не так, как в прошлый раз.

И он сразу нахмурился, сведя густые брови на переносице. В прошлый раз вышел конфуз. В прошлый раз, где-то полгода назад, Эльза просто встала в разгар светского якобы разговора, последовавшего после ужина, и ушла к себе. Даже забыла извиниться. Но ее, честно, тошнило от ужимок милых дам, сопровождавших местных миллионеров. Просто тошнило!

– Хорошо, я обещаю, – кивнула она и добавила со вздохом: – Все будет хорошо, пап. Вот увидишь.

– Я это... – отец виновато сморщил лицо. – Неле позвонил.

– Зачем? – ахнула она.

– Чтобы она помогла тебе со сборами. Она же стилист.

И попутно твоя шлюха! И попутно мерзкая дрянь, роющая в вещах и драгоценностях Эльзы! И попутно жуткая сплетница, сочиняющая небылицы про Эльзу на кухне, когда прислуга, заискивая, потчует Нельку чем-нибудь вкусненьким. А пожрать та любила.

– Ну папа! Ну зачем? – простонала Эльза и пошла прочь.

– Будь готова к восьми! – рявкнул отец ей в спину. – Неля придет к пяти!

Сейчас не было еще и полудня, значит, есть время прогуляться.

Эльза вернулась на балкон, сцапала свою книгу с кресла, иначе исчезнет без следа, если попадет на глаза отцу. А книга была интересной, умной, про подавленные воспоминания, вызванные глубоким стрессом. Эльзе было интересно ее читать, познавательно. Читать и попутно рыться в своей голове, соответствует, нет, описаниям.

Отцу это сто процентов не понравится. Он давно повелел оставить все ее мозгокопание, как он это называл, докторам.

– Я им за это, дочка, такие бешеные бабки плачу! – восклицал он каждый раз, когда дочь принималась задавать ему всякие умные вопросы. – Пусть отрабатывают, отрабатывают...

Но Эльза считала, что эти самые его хваленые доктора за такие бешеные бабки станут лечить ее всю оставшуюся жизнь, и не вылечат, лишь бы источник их доходов не иссякал.

Особенно противным она считала их семейного психолога Ерофеева Андрея Сергеевича. Отвратительной неприметной внешности мужик сорока лет, с отвратительными вкрадчивыми манерами и не менее отвратительной способностью угадывать каждый раз то, о чем Эльза

думает. И еще он премерзко беззвучно смеялся, мелко сотрясаясь своим тщедушным телом. И еще имел обыкновение незаметно появляться и так же незаметно исчезать.

Так вот, если он увидит книгу, которую читает Эльза, он непременно доложит об этом ее отцу, а тот начнет сразу психовать, и коситься на дочь неодобрительно, и задавать всякие неудобные вопросы.

Книгу надо спрятать.

Эльза прошла к себе в комнату. Правильнее, в одну из трех комнат, которые ей принадлежали на втором этаже.

В одной располагалась просторная спальня. Она ей не нравилась обилием темных тонов и позолоты. Там же была огромная ванная комната с громадной, как бассейн, ванной, множеством полочек и шкафчиков, забитых баночками, скляночками и флакончиками с разными кремами, духами, гелями, муссами. Эльза к ним почти не прикасалась. Благодарила природу и родителей за идеальную гладкую кожу, густые волосы и благополучно обходилась малым набором косметических средств.

Другая комната была ее гостиной. Здесь она любила бывать. Кремового оттенка шторы, ковер на полу, светлая мебель, кофейного цвета стены. Книжные полки, огромный телевизор, стереосистема, компьютер.

Третья комната была гардеробной, где в шкафах висели дорогие платья и костюмы, но туда она заходила редко.

И сейчас не пошла, свернула в свою гостиную. Остановилась у книжных полок, выставила стопку книг, спрятала ту, что читала, у задней стенки, вернула книги обратно. Села в угол дивана и взяла в руки пульт от телевизора. Близились новости...

Глава 4

– Виктор Егорович, все готово, можем ехать, – водитель Вова остро глянул из-под козырька холщовой кепки на хозяина, коротко кивнул. – Все в порядке, Виктор Егорович.

– Все в порядке, все в порядке... – отозвался Ганышин брюзгливо и одернул рукава легкого пиджака. – Кто, скажи мне, Вова, нанял на работу эту стюардессу?

– Ниночку? – уточнил на всякий случай Вова, поскольку стюардессы менялись каждый месяц.

– Ниночку, Ниночку! – фыркнул хозяин. – Она же дура, Вова! Полная дура! – И тут же передразнил, некрасиво сморщив лицо: – Вы омлет с курицей будете или без курицы? Без яиц, твою мать!

Вова вежливо похихикал, поскольку хозяин так шутить изволили.

– Смейся, смейся, Вова! Еще раз такую дуру найдешь, я тебя без яиц оставлю! Понял?!

– Так точно, Виктор Егорович.

Вова подавил раздраженный вздох. С этими стюардессами была просто беда. Что ни вылет, то новую ему подавай. Все не так, все не нравится. Девочки все дуры, уродки кривоногие. Он бы и пилотов менял – Виктор-то Егорович, – да больно за жизнь свою боялся. А пилот Сергей был асом с большой буквы. Вот приходилось его терпеть, а на стюардессах отрываться.

А все почему? А все потому, что Виктор Егорович отчаянно боялся летать. Настраивался за неделю. И все равно в пути с ним то желудочные боли приключались, то мигрень, то острый приступ сексуального желания, и он задира л девчонкам юбки прямо в салоне самолета. Девчонки визжали, некоторые сопротивлялись, некоторые плакали и угрожали. Благо самолет был личным и никто, кроме него самого и Вовы, об этом не знал, а так бы что делать?

Сегодня Ниночке немного повезло. Ее не изнасиловали, перегнув через подлокотник сиденья. Ее просто увольняют. Сегодня с ними летел Егорка. И его отцу – Виктору Егоровичу Ганышину – приходилось держать себя в руках. Скрипеть зубами, мять рукава пиджака потными пальцами и молчать.

– А где Егор?! – Ганышин запоздало опомнился, закрутил головой. – Вова, в чем дело?! Ты сказал, что можем ехать, а Егора нет! Где он?!

Вова вздохнул, понимая, что сейчас обрушится на его голову. Но не особенно боялся. Хозяин отойдет, хотя и станет грозить ему всеми карами небесными. Без него, без Вовы, он почти ничто.

– Егор уехал к бабушке.

– К бабушке?! – Влажные, черные, как маслины, глаза Виктора Егоровича остановились на Вовином козырьке. – К какой бабушке, не понял?!

– К вашей матери, Виктор Егорович.

Вова исподтишка криво ухмыльнулся. Вот дожил, человек, про то не помнит, что мать у него тут неподалеку живет. Совсем очерствел со своим бизнесом.

– К моей матери?! – Ганышин выглядел еще более удивленным, тут же широко раскинул руки, втянул голову в плечи, покачал ею, недоуменно воскликнул: – Но зачем, Вова? Зачем?

– Он ей обещал, Виктор Егорович.

– Обещал! – фыркнул он с такой силой, что на кепке Вовы обозначились два мокрых пятна от его слюны. – Что значит обещал?! У нас деловая поездка! Сколько раз говорить ему, что нельзя путать личное с делом! Никогда нельзя путать. Нельзя распыляться!

– Но вы ведь везете его знакомить с дочкой Сафронова, Виктор Егорович, – напомнил, перебивая его, Вова. – Куда уж более личное дело.

– Ай, брось! – отмахнулся хозяин и сердито насупил, снова вжал голову в плечи так, что уши коснулись воротника пиджака, забрюзжал. – Личное дело! Это такой же бизнес, Вова.

И Сафронов это понимает. И я. Ему надо дочку пристроить. Мне сына как бы. И чтобы бизнес не ушел в чужие алчные руки. Егор не алчный, не паскудник. Его дочка, по слухам, тоже далека от всего этого. Не акула, в общем.

– Ага, не акула. Чокнутая малость, а так не акула, – скептически поддакнул Вова. – Ее год в Швейцарии в закрытой клинике лечили. Вы знали? Я узнавал про ту клинику.

– И что? – рассеянно отозвался Виктор Егорович.

Он смотрел в окно на проплывающие мимо знакомые с детства пейзажи и удивлялся тому, что ничего не ворочается в его душе. Ничего! Не щемит, не радуется, не будит воспоминания. Про мать вон даже не вспомнил. Егор вспомнил, а он нет.

– Дурка это, Виктор Егорович. Самая настоящая дурка.

– А чего она там год делала? – без особого интереса спросил Ганышин и полез во внутренний карман пиджака, где у него хранилась фотография дочки Сафронова. Вытащил, глянул. – Красивая ведь девка, породистая.

– Красивая-то красивая, – кивнул согласно Вова. – И породистая, спорить не стану. Но с башкой у нее не все в порядке.

– В каком смысле? – Ганышин убрал фотографию обратно в карман. – Чего мелешь-то, Вова?

– Они втроем были в горах, – начал рассказывать Вова, что удалось ему узнать по своим каналам. – Сафронов Илья Гаврилович и две его дочери: Ольга и Эльза.

– А чего они там делали, в горах? – не понял Ганышин.

– Восхождение совершали.

– Восхождение?! – нараспев удивился Ганышин. – Идиоты!

Всякий экстремальный вид спорта у него был под запретом. И для него, и для сына, и для жены.

– Вот-вот! И что-то там у них произошло.

– Что?

– Сестры между собой, что ли, переругались или даже подрались. Болтают всякое. Эльза, мол, всегда Ольге завидовала. Ту отец больше любил и больше баловал. Больно, говорят, на покойную мать была похожа. От нее Сафронов просто млел. А она во время вторых родов померла.

– Н-да... Не повезло девчонке.

И он снова полез за фотографией, снова уставился в небесно-голубые глаза. Сместил взгляд на волосы, плечи, грудь, ноги. Красивая, идеально сложенная. Будто скульптура, честное слово! Глаза вот только печалью странной наполнены. Необъяснимой печалью. Может, потому что она чокнутая, и взгляд такой?

– Вот-вот! – подхватил Вова. – Сафронов, по слухам, долго к девчонке вообще не подходил. Лет до восьми. Почти не замечал. Потом начал понемногу приходить в себя, принялся воспитывать. А старшая-то и заревновала! То все внимание и любовь ей, а тут какая-то пигалица под ногами крутится! Вот у них так все и шло, черт-те как. Отец между дочерьми разрывается, стараясь никого не обделить вниманием. Они, в свою очередь, его между собой делят.

– Дружбы, одним словом, никакой?

– Какая дружба, о чем вы, Виктор Егорович! – присвистнул Вова. – Там вражда была, и еще какая! Гадили, по словам их же няни, друг другу, о-го-го как! Изобретательно гадили, со смыслом. Чтобы в глазах отца очернить друг друга и все такое.

– Ты и до няни добрался! – не мог не похвалить Виктор Егорович и, протянув руку, одобрительно хлопнул Вову по плечу. – Ну и чем же все это закончилось?

– Трагедией, – коротко обронил Вова.

– Старшая дочь погибла в горах, это имеешь в виду?

– Не все так просто, Виктор Егорович. – Вова побарабанил пальцами по рулю. – Злые языки утверждают, что это младшая дочка помогла старшей сорваться в пропасть.

– Да ладно! Ух ты! – Карие глаза Ганышина зажглись недобрым огнем. – И чьи же это злые языки? Верные?

– Черт его знает. Няня молчит. Плечами пожимает. Глаза прячет.

– Ну а кто такой разговорчивый, кто? Не томи, Вова!

– У Сафронова есть баба.

– Удивил! – рассмеялся Ганышин. – У него, по слухам, их целый полк!

– Нет, эта постоянная. Нелли зовут. Он ее еще девчонкой с панели вытащил. Знойная телка, говорят.

– И что же она сплетни о нем распускает? – недоверчиво вывернул губы Ганышин. – И это притом, что он ее с панели выдернул?

– О нем, нет, она сплетни не распускает. Будто любит его как кошка. Все про дочек его шепчется. Их ненавидит. Вернее, ту, что в живых осталась.

– Ну и? Что это за сплетни?

Виктор Егорович вдруг разволновался так, что вспотел, невзирая на работающий кондиционер. Стащил с себя пиджак, небрежно швырнул на переднее пассажирское сиденье. Раскинул руки на своем сиденье, чтобы на сорочке мокрых пятен под мышками не осталось. Устался в Вовин затылок.

– Тихо шепчут, что в горах случилась не просто трагедия. Там случилось убийство, Виктор Егорович! – и на мгновение, оторвав взгляд от трассы, мокрой черной лентой петляющей среди громадных сосен, обернулся на хозяина. – Болтают, что Ольга не сама сорвалась в пропасть. Будто это младшая дочка ее туда... Ее туда сбросила.

– Эльза? – уточнил Ганышин.

– Эльза, – кивнул Вова.

– Та самая, на которой я хочу женить своего сына?

– Та самая, Виктор Егорович.

– Вот эта вот девочка с ангельским лицом и печальными глазами?!

Виктор Егорович поднял с сиденья фотографию Эльзы и придвинул ее к Вовиным глазам, загоразивая обзор.

– Так говорят, – он вежливо отодвинул от себя руку хозяина с портретом будущей невестки. – Будто отец отлучился куда-то на пять минут. Мало ли, может, по нужде отошел. А сестры снова поскандалили. Дошло дело до драки. И Эльза столкнула Ольгу в пропасть. Вот так...

– Ничего себе!

Минуту Ганышин переваривал услышанное. Потом завертел головой, словно ему жал воротник сорочки. А этого быть не могло, он давно уже расстегнул три верхние пуговицы.

– И поэтому Сафронов упрятал ее в дурку в Швейцарии?!

– Видимо...

– И поэтому никто ее замуж не берет? Все шарахаются? Или как?

– Вот насчет «про замуж» не скажу, Виктор Егорович, – замялся Вова. – По слухам, она сама не очень-то спешит. Ходит, говорят, по дому, как привидение, и все книжечки почитывает. И образование есть, а работать не спешит. И замуж не спешит. И еще это...

– Что еще?! – фыркнул Ганышин с чувством, ругая про себя на чем свет стоит Сафронова.

Каков умник! Решил ему подпорченный фрукт подсунуть?! Его Егорке?! Умнику, красавцу, спортсмену?! А как нахваливал свое дитя! Как умиленно нахваливал!

– К девочке этой с ангельским взглядом постоянный доктор приставлен.

– Психиатр, что ли? – скрипнул зубами Ганышин.

– Ну... Вроде семейного психолога, сейчас ведь это модно. У нашей Елены Ивановны тоже ведь... – напомнил Вова про жену хозяина. – Только...

– Ну!

– Только, по утверждениям все той же Нельки – любовницы Сафронова, это не психолог, а самый настоящий психиатр. И ангела нашего он последние десять лет держит на таблетках. Даже когда она за границей училась, он неотступно при ней находился.

– Ничего себе!

– Вот-вот... И раз в месяц, утверждает Нелли, этот мозгоправ делает девушке капельницу, после которой та сутки не может встать с постели. И глаз не открывает.

– Ничего себе! – Ганьшин провел ладонью по шее, вспотел все ж таки. Раздраженно вытер ладонь об обивку сиденья. – Ай да Сафронов! Ай да сволочь! И чего же, Вова, теперь делать станем? У меня же с ним большие дела намечаются. Мы очень полезны друг другу. У меня власть, связи, у него деньги! И не просто деньги, а деньжищи! Что делать-то, Вова?!

– Будем посмотреть, Виктор Егорович.

И Вова криво улыбнулся ветровому стеклу. И знал, что хозяин его ухмылку уловил. И все понял как надо. А поняв, сразу успокоился.

Вова все сделает как надо. Он уже начал делать. Уже нужные людишки шустрят в Швейцарии, пытаюсь отыскать того врача, который в комнате с мягкими стенками Эльзу год держал. Найдут непременно. А как найдут, Вова туда слетает. И перетрет с мужичком. Не сам, конечно, через переводчика. Но узнает все, что надобно узнать.

И про то, в каком состоянии Эльза поступила к ним десять лет назад. И про то, что в бреду лопотала. Все чокнутые, по мнению Вовы, бредят. А когда бредят, лопочут. Вот он и узнает. А когда все узнает, тогда можно уже и решение принимать.

– Ты это... – Ганьшин вдруг обеспокоенно заворочался на заднем сиденье, прошелся рассеянным взглядом по салону автомобиля. – Давай разворачивайся. Давай тоже к матери заедем, что ли. Давно ждет. Неудобно...

Глава 5

Он добросовестно отбыл рабочее время в отведенном ему кабинете, умоляя судьбу, прости господи, чтобы произошло в их тихом городе ну хоть что-нибудь! Хоть какой-нибудь дебош или кража со взломом. Или пацаны, что ли, подрались бы на детской площадке, не поделив перекладину. Была бы причина выйти из кабинета, размяться. Приложить усилия. Использовать знания.

Когда его направляли на работу в этот городок, то предлагали поработать там опыт. Сначала поработай на земле, наберись опыта, говорили ему, а потом уже...

Какой, к черту, опыт, если город будто уснул. Участковому не досаждали даже приезжие строители, разомлевшие от последней августовской жары, сменившейся ливнями, и расплзшиеся по съемным квартирам.

Может, тихо так перед бурей? Саша в надежде глянул за окно. Небо удивительно чистое, безоблачное. Ветра нет. Деревья неизвестной ему породы, окольцевавшие дворик их полицейского участка, уныло свесили мокрые от утреннего дождя ветки до земли. Тишина...

– Ты идешь? – в его кабинет заглянул участковый Валера и выразительно глянул на часы. – Шестой час уже.

– Иду, – кивнул Саша и полез из-за стола.

Идти домой с Валерой ему не очень хотелось. И честно, он ждал, пока тот уйдет. Валера любил поговорить, любил, чтобы с ним разговаривали. А Саша, убей, не понимал, как можно без конца обсуждать местную жизнь, если ее вообще – на его взгляд – не существовало. И он почти всю дорогу молчал, а Валера обижался. И считал его заносчивым.

Они вышли на крыльцо, Валера с хрустом потянулся, блаженно выдохнул:

– Хорошо-то как!

– Что именно? – поинтересовался Саша.

Он – честно – не понял, что может быть хорошего в мокрой безлюдной улице, простирающейся перед ними, бездарно прожитом дне, проведенном за пустым столом в рабочем кабинете, и в перспективе одинокого вечера.

Хотя...

Это ему предстоящий вечер обещал одиночество. У Валеры молодая жена имелась. И отсюда – милые семейные хлопоты на вечер, супружеские отношения чуть позже. Не заскучаешь!

Может, стоило прислушаться к советам Марины Ивановны и приглядеться к девушке Лизе, живущей в доме напротив того, в котором квартировал Саша?

Лиза была невысокой крепенькой брюнеткой, хохотушкой, черноглазенькой симпатяшкой – это Валера так ее характеризовал. С великоватой, на Сашин взгляд, для ее роста грудью.

– Извини, Сашок, но ты дурак! – щелкал Валера языком и, растопырив пальцы, выразительно тряс ими перед своей грудью. – Этого добра бабе много не бывает! Поверь мне, чем больше, тем лучше!..

Может, все же стоило к ней присмотреться, а? Может, что-нибудь и вышло бы у них?

– Что хорошо-то? – переспросил Саша, отвлекаясь от мыслей о Лизе.

– Рабочий день закончился, домой иду, – недоуменно вытарасился Валера. – Чего плохого-то?

– А-а, только это.

– А этого мало? – Валера свойски положил ему руку на плечо, проникновенно глянул в глаза, сдувая со лба длинную неуставную челку. – Поверь мне, Санек, иногда это все, что нужно человеку для полного счастья.

– Что именно? – он незаметно дернул плечом, сбрасывая с себя руку участкового.

– Рабочий день, который прошел спокойно, – кивнул себе за спину Валера. – Тихий семейный вечер с любимой женщиной. Ты чё, в самом деле этого не понимаешь?

– У каждого свое представление о счастье, знаешь! – фыркнул Саня и тут же угадал, что скажет сейчас Валера. – И не думаю, что Лиза способна сделать меня счастливым.

– А кто? Кто тогда? – Глаза участкового наполнились нездоровым любопытством, он даже приостановился. – Ты, случайно, не из этих?..

– Нет. Не из них, – сдержанно улыбнулся Саша. – Я традиционен, Валер. Просто... Просто в моей жизни десять лет назад произошла трагедия.

И тут же пожалел, что сказал. У Валеры даже дыхание сбилось. Сейчас начнется!

– Да ладно! – ахнул он, снова ровно задышав. – И что? Что случилось? Тебя девушка бросила? К другому ушла, да?

– Она погибла, – коротко обронил Саша.

– Поги-ибла-а? – трагическим шепотом просвистел участковый и вцепился в его локоть. – Слушай, идем к нам, а? Идем! Жена ужином вкусным накормит. Она знаешь как у меня готовит! Посидим у прудика. У меня через улицу прудик знатный. Там карась с полметра! Посидим с удочками на вечерней зорьке, поговорим. Надо же! Девушка погибла... Обалдеть! Любил ее, да?

– Да.

Саша поморщился. Зачем сказал? Он ведь теперь будет при каждом удобном случае об этом вспоминать. И растрещит всем. И если до Марины Ивановны слух дойдет, то все – съезжать надо будет немедленно. Она зажалет его насмерть.

– А как ее звали?

– Настя.

– Анастасия, значит... Прямо как мою двоюродную сестру, надо же!

Саша ускорился. Валера, сбившись с шага, тут же перестроился и зашепшил с ним рядом.

– Слышь, Санек, а может, я тебя со своей сестрой двоюродной познакомлю, а? Тоже Настя. Чё ты... Идем к нам на ужин, а?

– Извини. – Саша остановился на перекрестке, где они обычно расходились, протянул руку. – Ну, до завтра?

– Ну чё ты, Санек? – Валера явно обиделся и руку пожимать не спешил, кивнул в проулок, в который обычно сворачивал Саша. – Ты не очень-то туда спеши. Там тебе с ужином сегодня сто процентов не повезет.

И Саша вдруг обеспокоился. И вспомнил, что пару дней назад у Марины Ивановны хватывало сердце, и он сам лично капал ей сердечные капли, отыскав в ее аптечке.

– Что случилось?! Марина Ивановна слегла?!

– Да нет, чего ты побледнел-то? – удивленно воскликнул Валера. – Гости у нее. Полный дом гостей. Сначала внук приехал. Потом сын с охраной. Там у нее дым коромыслом. Ей сегодня не до тебя. Так что мое предложение в силе. Идем к нам?

– Валера... Извини... Ничего личного. Устал.

– Ну гляди.

Валера вяло ответил на рукопожатие, буркнул «пока» и ушел. А Саша снова почувствовал раздражение. И зачем он рассказал ему про Настю? Чего вырвалось? Станет теперь языком молоть направо и налево. А если дойдет до Марины Ивановны...

Странно, но Валерины прогнозы не сбылись. Саша не остался без ужина. Стоило ему подойти к своей калитке, как из дверей соседского дома выглянул невысокий неприметный мужчина в холщовой кепке с козырьком и призывно замахал ему рукой.

– Вы мне? – Саша ткнул себя пальцем в грудь.

– Если ты Говоров, то тебе, – кивнул мужчина, спускаясь со ступенек крыльца и подходя к забору, разделяющему их два участка.

– Я Говоров. – Саша пожал протянутую руку.

– Я Вова. – Мелкие серого цвета глаза Вовы тщательно ощупали лицо соседа. – Не удивляйся, зови так. Все меня так зовут. Просто Вова. Идем, Говоров.

– Куда?

– За стол. Хозяйка дома зовет. Мой хозяин зовет.

– А ваш хозяин?

– Ее сын. Ганьшин Виктор Егорович. Влиятельный мужик. Злить не рекомендую. Раздражать тоже. Отказы не принимаются.

– Ладно. Сейчас я. Руки только помою, умоюсь. Да и переодеться надо. – Саша был в форме.

– Пять минут тебе, – согласно кивнул Вова и ткнул пальцев в забор. – Я тебя тут подожду.

Саша вошел в дом, Спиридон привычно сидел у порога, теперь возле его тапок. Верный кот. Умница. Ужин, невзирая на приглашение, Марина Ивановна все равно приготовила и оставила на столе под белым полотенцем. Валера снова оказался не прав. И записка на клочке тетрадного листка в клеточку. Неровным почерком Марина Ивановна оставила ему приглашение. И в суровой форме добавила приписку, что если не придет, она обидится насмерть. Так и написала – насмерть.

Саша улыбнулся, убрал еду в холодильник. Над умывальником умылся, быстро переоделся в серые джинсы, черную футболку, надел сандалии, забыв про носки, и пошел из дома. Вова стоял все там же у забора, внимательно рассматривая небосвод, чуть сдвинув кепку со лба.

– Славные деньки устанавливаются, да, Говоров? Дождей больше не будет.

– Да, тихо, тепло. – Саша глянул на Вовин профиль. И добавил зачем-то: – Главное, тихо...

– Ну да, ну да, тихо. Идем, – и, не глянув в его сторону, зашагал к дому Марины Ивановны.

В комнате соседки был накрыт к обеду большой стол. В центре стола, застеленного накрахмаленной льняной скатертью, стояла громадная, с полведра, глиняная супница с торчащим из нее половником. Вокруг супницы гора тарелок с холодцом, салатами, блинами, жареной рыбой, тушеной кабанятиной. Прямо напротив входа сидел сын Марины Ивановны – Ганьшин Виктор Егорович. Высокий, крепкий, черноволосый, черноглазый. Рядом с ним, по левую руку, его мать – Марина Ивановна, не сводившая обожающего взгляда с сына и внука. Внук сидел справа от отца и был почти его точной копией. Исключение составляли вес, рост, взгляд, выражение лица.

Егор? Да, точно, Егор, вспомнил Саша рассказы соседки о талантливом внуке.

Егор был выше отца, тоньше в талии, шире в плечах. Спокойный, лишенный отцовской настороженности взгляд. Выражение лица умиротворенное, никакой тебе папиной брюзгливости, надменности. Одет просто. И наверное, очень дорого. Хотя он не мог судить. Он в этом не разобрался.

Неплохой парень, сразу сделал вывод Саша. Его учили, как по физиономическим подробностям построить выводы о личностных пристрастиях.

Он поздоровался, представился, пожал по очереди руки отцу и сыну.

– Вот, Сашенька, дождалась! – похвасталась раскрасневшаяся и принарядившаяся Марина Ивановна. – И не думала, что так скоро приедут мои любимые! Ты присаживайся, присаживайся, я уже тебе и тарелочку поставила.

Саша присел к тому месту, где стояла чистая тарелка. Марина Ивановна тут же принялась наваливать ему еду.

– Кушай, кушай, – приговаривала она. – С работы, чай, не со свадьбы...

Он вежливо благодарил. Понемногу всего пробовал. Поддерживал вежливую беседу. Делился скупыми местными новостями, интересовался столичными. От выпивки отказался. Старший Ганьшин и Вова стремительно переглянулись. Вова едва заметно кивнул, то ли одобрил, то ли осудил, черт его знает. Потом Марина Ивановна принялась убирать со стола, Егор вызвался ей помогать, а папаша с Вовой решили перебраться в сад.

– Мне, наверное, пора, – неуверенно обронил Саша, стоя у задних дверей, ведущих в сад.

– Нет, – категорично заявил Вова и подтолкнул его в спину между лопаток не очень вежливо. – Идем. Есть разговор.

Крохотный садик из трех чахлах яблонек и дюжины смородиновых и малиновых кустов. Тропинка к небольшой обветшалой беседке. Там дощатый стол, две скамьи. Ганьшин-старший сел, кивком указал Саше место напротив. Он сел, куда указали. Вова остался стоять на тропинке, ворочая по сторонам головой на тощей морщинистой шее, будто с минуты на минуту ожидал нападения.

– Есть разговор, – напомнил Ганьшин, полез в карман тонких серых брюк, достал фотографию и запустил ее в сторону Саши через стол. Приказал: – Взгляни!

Саша осторожно взял в руки снимок. На нем была запечатлена девушка. Очень красивая девушка. Фотографировали в полный рост. Высокая, прекрасная фигура, длинные русые волосы, голубые глаза, высокие скулы, пухлый рот.

– Что скажешь? – внезапно поинтересовался Ганьшин, наблюдая за Сашей с непреходящим раздраженным выражением лица.

– Красивая, – осторожно заметил он и положил снимок на стол ровно посередине.

– Да, красивая. Даже слишком! – фыркнул Ганьшин недобро и замолчал.

– И? – Саша вопросительно выгнул брови. – Вы позвали меня за тем, чтобы я засвидетельствовал этот факт?

Непроницаемо-черные глаза Ганьшина внезапно наполнились весельем.

– А дерзкий, Вова, пацан-то! – оживился он, шлепнув себя ладонями по ляжкам. – Страсть какой дерзкий! Он мне нравится, Вова!

Вова сдержанно кивнул, чуть тронув тонкие губы улыбкой, могущей означать: а я что говорил.

– Ты мне должен узнать об этой девке все! – неожиданно проговорил Ганьшин, прекратив веселиться и снова сделавшись раздраженным. И добавил: – Все и даже больше! Давай задавай свои вопросы. Только быстро, я устал!

Вова коротко кивнул, как кнутом щелкнул.

– Вопрос первый – кто она? – спросил Саша.

– Сафронова Эльза Ильинична, – проговорил Вова, оставляя свой наблюдательный пункт и входя в беседку. – Двадцати пяти лет от роду. Незамужняя, несудимая. Единственная дочь Сафронова Ильи Гавриловича.

– Речь идет именно о том Сафронове, о котором я думаю?

Фамилия местного миллиардера была на слуху. Саша много о нем читал в Интернете. И хорошего, и гадкого. Знал, что после смерти жены он так и не женился второй раз. Знал, что тот потерял в горах старшую дочь во время семейного похода. Оставшуюся в живых холил, по слухам, и лелеял. Было в его прошлом много темных пятен, но, опять же по слухам, Сафронов их тщательно отбелил.

Зачем Ганьшиным его дочь?

– Да, о нем, – кратко обронил Вова и сел рядом с хозяином.

– Что я могу о ней узнать, чего не знаете вы? – усмехнулся Саша недоверчиво.

– Ты местный. Ты в приоритете, – выдал Вова заранее заготовленную фразу. – Мы побыли и в Москву свалили. А ты тут, на месте.

– И что я могу? Опер из районного отдела? Опять же у меня служба. Я не могу посреди рабочего дня сорваться и...

– Сможешь, – прервал его Ганьшин, лениво поведя пальцами в воздухе. – Решим.

– Допустим. Но в дом-то к Сафронову я не вхож.

– Решим, – снова обронил Ганьшин.

– Угу... – Саша задумался на минуту, потом помотал головой со вздохом. – Сафронов серьезный мужик. Он через полчаса будет знать обо мне все.

– Согласен!

Вова погасил одобрительную улыбку. Парень нравился ему все больше и больше. И даже несколько жаль будет пускать его в расход, заставляя заниматься сбором информации. Но другого выхода не было. Они еще в дороге с хозяином решили, что самим светиться не стоит. Сафронов оскорбиться может, если они станут слишком глубоко копать. Чужого человека со стороны нанимать? Тоже не выход. Услуги, купленные за деньги, весьма ненадежны.

Неожиданный выход подсказала мать хозяина – Марина Ивановна. Вспомнила про своего соседа и авторитетно заявила, что парень необыкновенно порядочный. Ганьшин прислушался и, посоветовавшись с Вовой, решил, что лучшей кандидатуры им не найти.

– Так как вы меня ему откомендуете?

– Как давнего друга моего сына, – пожевав губами, обронил Ганьшин.

– Но этого быть не может. Я издалека. Здесь недавно. Мы не могли быть знакомы с вашим сыном. И об этом узнать легко.

– Знаем мы, откуда ты! – резко встрял Вова. – Виктор Егорович долгие лета возил в те края своего Егорку на охоту. И на оленях катал. И на прииски возил. То, что вы не встретились ни разу, просто случайность.

Случайность как раз то, что они тут пересеклись, подумал вдруг Саша. И неожиданно внутри все напряглось, как часто случалось перед опасностью. В последние десять лет это ощущение посещало его раз пять, когда тело его сковывало судорогой, лишаящей движения. Он замирал на минуту-другую, потом его бросало в пот, и сердце принималось бешено биться о ребра. Это дважды спасло ему жизнь. Однажды, когда он, служа в армии, едва не наступил на оголенные провода, оставленные пьяными электриками в кустах. Второй раз, когда ему сделалось дурно на трапе учебного самолета, его отправили в санчасть и прыжок с парашютом так и не состоялся. При повторной проверке оказалось, что его парашют был сложен неверно. И не раскрылся бы ни за что, прыгни он в тот день.

Саша тогда долго думал, прежде чем рассказать о своем состоянии доктору из санчасти. А когда рассказал, то боялся на него глаза поднять. Но доктор неожиданно хлопнул его по плечу и сказал:

– У тебя серьезный ангел-хранитель, Говоров. Всегда его слушайся.

Глаза его при этом и не думали смеяться.

Чего же сейчас? О чем сейчас сигналил его ангел-хранитель? Куда хотят втянуть его эти двое? И ради чего?

– Ради кого, точнее, – прокашлялся Ганьшин. И требовательно глянул на помощника. – Вова?

– Такое дело, Говоров... – Вова вдруг стянул с башки холщовую кепку, обнажая невероятно пушистые белокурые волосы, просто как у ребенка. – Егорка наш жениться на ней собирается. И сам понимаешь...

– Нет. Не понимаю. – Саша ткнул пальцем в портрет девушки. – Что я должен знать? О чем вы умалчиваете? В чем подвох?

– О господи! – Ганьшин закатил глаза в бешенстве, покусал губы, резво поднялся и полез из-за хлипкого стола со словами: – Вова, разрули тут все. Я устал. Пойду, подремлю, с матерью пообщаюсь.

После его ухода повисла тишина. В яблоневетках жужжали осы, в мокрой траве стрекотали насекомые. Пахло яблоками и подсыхающими на солнце листьями.

В беседке было тихо.

Вова задумчиво рассматривал Сашу, размышляя, как много он может и должен ему рассказать.

Саша задумчиво рассматривал Вову, размышляя, куда пытаются втянуть его, в какую нехорошую историю? Надо ли ему это? Он отбудет в этом сонном районном захолустье год и уедет. Навсегда уедет. И вряд ли часто будет вспоминать здешние места и местных обитателей. Он уже решил, он вернется домой. И плевать ему на ненависть Игнатьева Сергея Ивановича. Он давно уже не работает в их городе, в областном УВД занимает какой-то крупный пост. Он наверняка и не посмотрит в сторону бывшего парня своей пропавшей без вести дочери. Правильнее, погибшей дочери. Он вряд ли вообще о нем помнит!

Саша вернется домой и...

– Ты должен сейчас принять решение, – разлепил тонкие губы Вова, рассматривая парня из-под низко надвинутого козырька. – Если да, значит, да. Нет, значит, нет.

– Мой ответ будет зависеть от того, что вы мне расскажете.

– Нет! Так не годится! – Вова вспорол ладонью воздух. – Информация, которую я до тебя доведу... Короче, ты узнаешь слишком много, чтобы соскочить. Понял?

– Понял, – кивнул Саша.

И, черт, он забыл о предостережении, сжимающем его внутренности десять минут назад. Забыл совет доктора из войсковой медсанчасти слушаться голоса своего ангела-хранителя. Он проговорил:

– Я согласен. Что я должен знать и делать?

– Хорошо. – Вова заметно расслабился, сграбастал фотографию со стола, убрал в задний карман джинсов. – В общем, так... Истории этой лет десять с небольшим. Сафронов с дочерьми отправился в горы в поход.

– Я об этом знаю, – перебил его Саша. – И там одна из дочерей сорвалась в пропасть и погибла.

– Старшая... Ольга... Любимая дочь.

– А младшую, что же, он не любил?

– Трудно утверждать. Но, говорят, он лет до восьми на нее вообще внимания не обращал.

Его жена умерла, ее рожая.

– А-а, ничего себе! И он что же, младенца обвинил в ее смерти?

– Уж не знаю, что там у него в башке было, но дочь росла в доме сиротой при живом отце.

– А старшая?

– Старшей доставалось все: любовь, забота, внимание. Понятно, что выросла она избалованной. Сестру не любила по примеру отца. Унижала всячески. Та платила ей взаимностью.

– То есть они не ладили?

– Мягко сказано. Одно из приближенных к Сафронову лиц утверждает, что девки грызлись при каждом удобном случае.

– То есть не дружили?

– Какое там! По слухам, кроме ненависти, ничего не было между ними. А когда папаша спохватился и начал младшую дочь приближать к себе, то еще и ревность в доме поселилась. Стало вообще невыносимо.

– Инцест? Вы на это намекаете?

– Исключено! Сафронов старомодный нормальный мужик. Не извращенец! – Вова брезгливо передернулся. – Просто дочери не могли выносить присутствия друг друга. И потом этот поход в горы... Он так был некстати...

– Что там случилось?

Ему вдруг сделалось душно в саду, пропахшем подсыхающими на солнце травой и листьями. Футболка на спине промокла. Захотелось окунуться с головой в ледяную воду, чтобы остыть и чтобы не слышать, как Вова скажет:

– Подозревают, что в горах не было несчастного случая. Там было убийство!

– Господи! Нет! – Он мотнул головой, и капля пота со лба шлепнулась на доски старого стола. – Младшая сестра столкнула в пропасть старшую?! Так?!

Вова коротко кивнул и со вздохом вытер лоб ладонью, приподняв козырек.

– Понятно, все это лишь слухи. Но сам понимаешь, мы не можем рисковать Егоркой и не можем женить его на убийце.

– Если это на самом деле так, – вставил Саша.

И вспомнил глаза девушки с фотографии. Нежный, мягкий, немного рассеянный взгляд.

– Никто этого не знает наверняка, кроме отца и дочери, – согласно кивнул Вова. – Но отец, понятное дело, будет молчать. А дочь...

– Что?

– Дочь после той трагедии целый год провела в одной из закрытых клиник Швейцарии. Понимаешь, о какой клинике речь?

– Догадываюсь.

– Так вот, она пробыла там год. Когда вернулась, была тихой, подавленной, и ничего... Слышишь, ничего не помнила из своего прошлого! Вообще ничего!

– Следствие стресса?

– А что еще? – фыркнул Вова и шлепнул себя ладонью по заднему карману штанов, где была спрятана фотография девушки. – Мало этого... К ней приставлен личный доктор, некто Ерофеев Андрей Сергеевич. И он пичкает ее таблетками, а раз в месяц ставит капельницу, после которой она сутки сама не своя.

– То есть?

– Не разговаривает, спит все время. Если не спит, то лежит с открытыми глазами и тарашится в потолок. В общем... Тебе надо будет покрутиться в этом доме, разузнать все.

– Что конкретно? И как конкретно я там смогу крутиться? – уставился Саша на Вову, колупающего длинным ногтем мизинца трухлявые доски стола.

– Узнать ты должен все! – резко вскинул голову Вова, оставляя свое занятие. – Чем дышит, о чем думает, что читает, что по ящику смотрит, какое белье предпочитает...

– Ничего себе! Я что же, должен к ней под юбку заглянуть?!

– Только попробуй, – криво ухмыльнулся Вова. – Девка для Егорки. Она для тебя – работа. И не вздумай влюбиться в нее, башку сам откручу этими вот руками.

Он выразительно потряс растопыренными пальцами у Саши перед носом.

– Я понял. Как я туда попаду?

– Это не проблема. – Его тонкие бесцветные губы растянулись в беспечной ухмылке. – Завтра хозяева приглашены на ужин. Смотрины, типа. Знакомить будут Егорку и девку эту. Ты поедешь с нами.

– В роли друга жениха?

– И друга, и телохранителя. Мы с хозяином после ужина уедем. Егор останется на неделю. Такова задумка. Ты будешь при нем.

– А работа?

– Что ты заладил: работа, работа?! Сказано же – решим. Все понял?

– Ну да...

С языка просилась еще уйма вопросов. Например, зачем такая невеста сыну Ганьшина? Они, кажется, даже незнакомы! Ну красивая, и что? В Москве красивых девушек на каждый квадратный километр знаете сколько? Зачем такая нужна? С таким шлейфом проблем? В чем интерес?

Вова его невысказанные вопросы, взбороздившие Саше лоб морщинами, понял по-своему.

– О деньгах не беспокойся. Как только все закончится, заплатим щедро.

– А когда это должно закончиться?

Саша встал следом за ним, уставился в сутулую спину. Вова обернулся и оскалился в улыбке, ничуть не напоминающей радостную. И пробормотал сквозь зубы:

– А закончиться это должно свадьбой, мой друг! Только так! А как еще...

Глава 6

Нельку она к себе не подпустила.

– Потом, – проговорила Эльза, мягко выталкивая любовницу отца из комнаты. – Все потом.

– Что потом-то?

Ярко-зеленые глаза Нели подозрительно уставились на девушку, которая все никак не желала идти с ней на контакт. А чего? Она к ней пускай и не со всей душой, но с пониманием. И запросто матерью бы ей могла стать. Да Илья все тянет.

– Вот, Эльзу замуж отдам, тогда что-нибудь придумаем, кошечка моя, – вырвалось у Ильи неделю назад, когда Неля была особенно старательной и неторопливой. – Что-нибудь и для нас с тобой. Главное, замуж ее отдать... Поможешь?

Она тогда с таким усердием закивала, что в шее что-то хрустнуло и ныло потом дня три. Она готова помогать! Она готова делать все, что угодно, лишь бы выйти поскорее замуж за Илью Сафронова. А для этого надо скорее убрать из дома его полоумную доченьку, которая день и ночь бродит привидением по комнатам и появляется незаметно в самый неподходящий момент.

Неля поморщилась, вспомнив, как Эльза застучала ее, когда она рылась в ее шкатулке с драгоценностями. Как ухмыльнулась догадливо. И как паскудно потом ухмылялась еще месяц в присутствии Ильи, доводя Нелю своими ухмылками почти до обморока. Ведь если бы сказала ему, он бы Нелю точно погнал бы прочь. А куда она? Она уже к нему прикипела.

Надо ее замуж! Срочно надо ее спровадить замуж из этого дома! Чтобы не шастала тут и не тарасилась по сторонам своими бездонными, как пропасть, глазами.

Неля покусала губу, постояла у захлопнувшейся перед ее носом двери, со вздохом отошла.

Сейчас нарядится как пугало, кому она понравиться сможет?! И волосы. Что за блажь не убирать их в прическу? Почему, опять же, не подкраситься? Красотка, черт ее дерит! Любая красота, по мнению Нели, требовала доработки. Всякой красоте не помешает последний штрих.

Она оглядела себя в огромном зеркале, вмонтированном в стену возле двери Эльзы. Высокая, грудастая, зад немного великоват, но она его умело драпирует одеждой. Лицо казалось бы заурядным, не трудись она над ним каждое утро. И косолапила она от рождения. Великих трудов стоило изменить походку. И ноги болели, и спина, но работала, работала над собой. Потому что будущего хотела великолепного.

И дождалась бы, давно дождалась, кабы не это пугало, что затаилось теперь за дверью своей комнаты.

– Эльза! Открой! – Она решительно стукнула кулаком в дверь. – Открой! Твой отец...

Дверь бесшумно широко распахнулась. Неля от неожиданности вздрогнула и выругалась про себя: «Вот ведь чертово семя!»

– Что мой отец?

На девушке, кроме лифчика и трусов, ничего не было. И в этом белье Неля даже грядки полоть бы не стала, не то что мужика соблазнять. Скудный, заурядный хлопок в мелкий цветочек.

– Твой отец попросил меня помочь тебе, детка. И я помогу! – Она решительно шагнула в комнату. – Нравится тебе это или нет!

– Помогай, – неожиданно смирилась Эльза и кивнула на грудку одежды, разбросанной на диване, стульях, креслах. – Я совершенно потерялась.

Еще бы! Неля алчно ощупала взглядом дорогушие тряпки. Кто хочешь растеряется. Что ни платье, то произведение искусства. Соберись на прием в королевский дворец – проблем с нарядом не было бы.

– Я сейчас...

Неля принялась рыться в платьях. Зависть, вспыхивающая при каждом новом фирменном ярлыке, она старательно душила. Ей надо нарядить Эльзу по высшему классу! Она должна выглядеть потрясающе, но не вызывающе. Это должно быть что-то невероятно эффектное и в то же время...

– Вот! Оно!

Она расправила в руках длинное платье тончайшего шелка цвета грозового неба. Мгновение любовалась игрой света на нежных невесомых складках. Тут же представила его на Эльзе, подавила очередной завистливый вздох. И протянула его со словами:

– К нему наденешь сапфировые серьги матери и браслетик.

Она почти не заметила, с каким ехидством покивала в ответ Эльза. Понятно, напоминала о ее проделках. И пускай! Любопытство, между прочим, не порок. Она же ничего не украла. Она просто смотрела и восхищалась. Ну и завидовала, конечно, не без этого.

– Белье надень вот это, – скомандовала Неля, вытаскивая из отдела для белья красивый ажурный гарнитур. Следом швырнула в сторону девушки упаковку с тончайшими колготками.

– А это зачем? – захлопала та глазами. – Лето же. И мы дома.

– Лето же! – передразнила ее Неля. – Одевайся, пора заниматься прической.

И она почти с ненавистью оглядела молодое красивое тело. Вот бог дает, кому ненадобно! Все на своем месте, всего в меру. Ни наращивать, ни урезать, ни скачивать не надо.

Неля отвернулась от девушки, уставилась невидящим взглядом за окно. Затяжному дождю на смену явился отвратительный ветер, разворотивший ей сегодня всю прическу и задравший подол ее красивой туники так, что стали видны ее массивные бедра.

При гостях бы такого конфуза не случилось.

Интересно будет посмотреть на жениха. Он-то хоть достоин такой красоты, которую они сейчас для него готовят? Илья говорил, что парень симпатичный и вроде умник, каких поискать. Но Неля не очень ему верила. Она во всем этом подозревала какой-то подвох. Эльза вроде и совершенна внешне, но внутри не без изъяна. Об этом не говорят вслух, но шепчутся многие. Да и сам Илья нет-нет да и замрет в печали, рассматривая дочь исподтишка.

Больная же девка-то, чего огород городить!

Кому вдруг приспичило в здравом уме жениться на ней? Что за блажь такая?

– Оделась? – Неля повернулась, когда шелест одежды за ее спиной стих. И против воли залюбовалась. И не желала, да похвалила. – Ты красавица, Эльза. Ты просто красавица!

– Спасибо, – она тронула свои ушки. – Только драгоценности мамыны не здесь.

– Ой, да знаю я, где драгоценности твоей мамыши! Сейчас принесу. Ты усаживайся, сейчас прическу станем делать и лицо.

– А что с моим лицом?! – Эльза нервно дернулась к зеркалу, всмотрелась. – Все вроде нормально.

– О господи!

Неля закатила глаза и пошла в соседнюю комнату за шкатулкой.

Ее и шкатулкой-то было грех называть. Это была приличных размеров деревянная коробка, обтянутая кожей, из нескольких ярусов, отделов и потайных кармашков. И там было столько всего! У Нели пальцы принимались плясать, когда она их туда запускала и перебирала искрящиеся камни, цепочки, ожерелья, браслеты, серьги, кольца. И чего греха таить, не застывает ее Эльза, она себе бы чего-нибудь непременно прихватила бы. Чего-нибудь подешевле и понеприметнее. О чем и не вспомнит никто никогда. Тем более Эльза, с ее-то памятью!..

– Как-то она слишком уж укутана.

Илья с сомнением оглядел дочь. Длинное платье, длинные рукава, вырез под самое горло. Ничего же не видно, ни ног, ни рук, ни груди. И волосы Нелька будто нарочно все спрятала, соорудив на голове его дочери какой-то странный кокон.

– Нормально все, Илюша, что ты? – Неля потянулась губами к массивному подбородку любимого. – Очень красиво и изысканно.

– Может быть, может быть...

Он снова покрутил головой. Лично ему нравилось, когда на женщине тряпья поменьше. И когда грудь хоть немного видна. И волосы любил свободными локонами по плечам. Сама-то Нелька ничего себе на башке не стала сооружать. Растрепала кудри, переплела. Красиво, эффектно. Чего из его дочери сделала?

– Кому она сможет понравиться в этом балахоне, Нель? – вздохнул Илья и незаметно для дочери ущипнул любовницу за плотное бедро. – Просил же... Ничего доверить нельзя...

Обидеться? А толку!

Неля сдержанно улыбнулась, подавила тяжелый вздох и потащила Илью с веранды, где застыла статуей Эльза, уставившись невидящим взглядом на ворота. Гости должны были вот-вот подъехать.

– Куда ты меня тащишь? – тяжело ступал за ней следом Илья. – Секса не будет, Нель. Не сейчас. Вспотеем, разлохматимся. Ни к чему это.

– Какой секс, Илюша? – округлила она великолепно подведенные глаза. – В столовую я тебя веду, посмотреть сервировку. Раз уж ты взялся все контролировать, то...

– Нет, ну в самом деле, могла что-нибудь посексуальнее на нее надеть. У нее же все на месте, чего было драпировать так?

– А зачем? Вот скажи, зачем? – она рассеянно осматривала огромный овальный стол в большой столовой, за которым, бывало, до тридцати человек умещалось. – Чтобы столичные гости с порога приняли ее за шлюху?

– При чем тут?... Вот при чем тут это, Нель?! Чего сразу шлюха-то?

– Ты знаешь, сколько стоит платье, которое на ней?

– Нет.

Илья выдвинул один из стульев из-за стола, тяжело уселся. Ему это сватовство, честно, уже в кишках сидело. Столько суеты, столько суеты. А все ради чего? Ради бизнеса. А если Эльза заартачится? Или сыну Ганышина она не понравится? Что тогда? Все планы коту под хвост? Так не хотелось бы.

– А зря не знаешь, Илюша. Это ведь твои денежки. – Она ласково коснулась губами его вспотевшего затылка. Навалилась тяжелой грудью ему на плечи. – И в этом платье их о-го-го сколько, Илюша! И твои гости, если они в самом деле такие крутые и в чем-то разбираются, то сразу оценят. К тому же это платье совершенно не скрывает ее фигуры. Когда она идет, садится или встает, этот шелк ее облегает, как вода.

– Ишь ты... Поэтесса просто! – Он нервно повел плечами, сморщился. – Не дави сиськами, Нель. Жарко! Вспотею.

Он надел по ее просьбе льняную белую сорочку, которая мялась, зараза, как бумага. И от этого он немного психовал. Но Нелька авторитетно заявила, что для домашнего ужина это то что надо. И стильно, и дорого, и неофициально. Он ей доверился. Теперь жалел. И с Эльзой тоже перемудрила.

В кармане пискнул телефон. Охранник на воротах прислал сообщение, что гости прибыли. И добавил, что их четверо. Странно. Илья ждал троих. Отца, его помощника и сына. Кто четвертый?

Он настороженно глянул на Нелю, застывшую возле накрытого к ужину стола.

– Их почему-то четверо, – проговорил он. – Не понял! Кто четвертый?

– Может, твой гость жену прихватил? Он ведь женат?

– Да, но... Не было про жену ни слова. И прилетели они втроем. Точно знаю. Кого пригласили?

Он подошел к окну, выглянул. Из окон столовой была видна крохотная полоска земли перед домом, выложенная тротуарной плиткой. По ней сейчас и маршировали его гости.

Ганьшина он не успел увидеть, тот уже скрылся из вида, мелькнул только его ботинок. Его мелковатого роста помощник в кепке, с которой, по слухам, он не расстается, шмыгнул следом. Сын Ганьшина шел неторопливо, походкой уверенного в себе человека, ни в чем не терпящего нужды.

– Может, и в Эльзе у него той нужды нет, мимоходом подумал Сафронов.

А замыкал шествие четвертый, неприглашенный гость. И он Сафронову сразу не понравился. Хоть и увидел мельком, толком не успев рассмотреть, а не понравился.

– Что скажешь? – зачем-то шепотом спросил он у Нельки, которая снова притиснулась к его спине своей жаркой грудью и наблюдала за гостями вместе с ним.

– Жених приятный. Папашку не рассмотрела. Не успела. Этот в кепочке...

– Личный помощник Ганьшина. Вова! – фыркнул неуважительно Сафронов. – Всех заставляет себя так называть. Говорят, опасный.

– Ага... Может, и опасный. Но тот четвертый, что сзади шел...

– Что?

– Не понравился он мне.

– Мне, кстати, тоже, – удивленно отозвался Сафронов и покосился на Нелькин профиль. – А тебе чего?

– Не знаю... На мента похож.

– Да ладно тебе сочинять-то! Скажешь тоже, на мента! Ганьшин станет с ментами вязаться?! Не тот уровень...

– Как знать, как знать.

Она обдавала его шею горячим дыханием, и он почувствовал, что под мышками у него мокро. И пятна наверняка проступят теперь на рубашке. И на спину навалилась, коровища, помяла всего. А переодеваться уже поздно.

– Отвали! – прикрикнул он на нее и принялся отлеплять от живота взмокшую рубашку, ворча. – На мента он похож! Угадала! Провидица тоже еще... Идем, надо встретить.

Рукопожатие и знакомство заняло минут десять. Сафронов, не привыкший к протоколу, начал томиться от пустых вопросов, которые Ганьшин задавал ему вежливым равнодушным голосом. Он отвечал иногда невпопад, смущался, злился на себя и на гостей, выстроившихся перед ним полукругом. И косился время от времени на дверной проем, откуда ждал появления дочери и Нельки. А их все не было и не было. Не были бы гости столь важными персонами, он бы давно уже гавкнул, чтобы девки не мешкали. Он устал уже тут один за всех отдуваться. Но вместо этого повернулся к светловолосому парню, который все время молчал и в светском трепе участия не принимал, и спросил:

– А молодой человек... Мы знакомы?

И уставился на него требовательно и надменно.

– Вряд ли, – тут же поспешил вставить Ганьшин-старший. – Извините, не представился случай оповестить вас, что сын мой друга детства тут встретил. Просто чудеса какие-то. Представляете, с детства не виделись! А тут... Насколько мир тесен! Не перестаю этому изумляться...

И понес какую-то дребедень про давние поездки в дальние дали, где охотился вместе с сыном, на оленях катался с ним же. И где познакомился с мальчиком Сашей Говоровым. Вернее, с его отцом, потому что тот проводником был у них. А тот познакомил ребят, и дружба завязалась. И вот спустя столько лет парни встретились, и где бы вы думали! В доме матери Ганьшина-старшего.

История показалась Сафронову никуда не годной. На три с минусом тянула, не выше.

Так бы и сказали, что телохранителя оставляют вместе с сыном в чужих людях. Чего тут такого-то? Он лично предосудительного ничего в этом не видит. Паренек – наследник финансового королевства, сотворенного папашей. О нем следует заботиться. И охранять!

– Угу... – пробубнил он, когда гость наконец заткнулся и перестал нести всякий вздор о случайностях. – А чем занимаетесь, Александр? Городок-то говенный, уж простите. Ни работы, ни бизнеса. На весь городок один магазин.

– Три, – вежливо поправил его голубоглазый блондин в неприметной серой одежде, под которой угадывались крепкие мускулы.

– Что? Не понял?

– Три магазина, – парень улыбнулся.

– А-а, ну пусть три, – неопределенно повел руками в воздухе Сафронов. – И что? Городок-то никудышный, умирающий. Весь народ ездит за тридцать верст на работу и в больницу. Чем там можно заниматься, не пойму?

– Служу я.

Говоров неуверенно глянул на Ганышина-старшего, младший продолжал отстраненно скучать, рассматривая картины на стене, за которые Сафронов заплатил целое состояние, не будучи уверен, что это того стоит.

– Служите? Где?

– В полиции.

И Сафронов едва не ахнул вслух. Вот тебе и Нелька! Вмиг мента разглядела в этом симпатичном блондине. И что выходит? Ганышин первого попавшегося под руку мента к сыну приставил, лишь бы не оставлять его одного в доме будущего тестя?

Некрасиво же, ну! Даже гадко!

Надо узнать об этой приبلуде побольше. Что за мент? Откуда взялся? Кем приходится Ганышиным? Может, правда дружба какая в детстве с пацаном случилась? Верится слабо, а вдруг?

– Добрый вечер, господа, – пропел Нелькин голос от дверей, и все головы мгновенно повернулись в ее сторону. – Извините, что опоздали. Извините...

Она вошла, держа за руку Эльзу. Та, дурочка, плелась, как на эшафот, ноги еле переставляла. Голова, увенчанная нелепой коляской из волос, низко опущена. Щеки бледные.

Ну что за дура, честное слово!

Сафронов скрипнул зубами. Даже преподнести себя не может. Не то что Нелька. Вот кто среди мужиков, как рыба в омуте. Зубы скалит, бедрами виляет, грудь напоказ. И успела все же, стерва, в дочерину шкатулку влезть. Нацепила ее ожерелье из жемчуга, которое Сафронов Эльзе на восемнадцать лет подарил. Неужели думала, что он не заметит? Да без его ведома здесь клоп не заведется. Не то что...

– Разрешите представить, – выкинул Сафронов левую руку в сторону дочери. – Моя девочка. Эльза... Иди сюда, малышка.

Эльза неуверенно шагнула пару раз к кучке гостей. Кротко кивнула, назвалась. Гости поочередно приложились к ее ручке, пробормотали что-то вежливое. Все, кроме мента. Тот просто скупно пожал ей руку и представился. И уставился на нее, как на очной ставке – пристально, не мигая.

Сафронов вопросительно вскинул брови в сторону Нельки. Что говорить и делать дальше, он не знал.

– Господа, прошу к столу, – выпалила та.

Сафронов досадливо поморщился. Как трактирщица, честное слово. Надо было как-то деликатнее их увлечь в столовую. Не так сразу. Что-то еще предложить высоким гостям. А что? Сафронов понятия не имел. Все его местные знакомые бизнесмены предпочитали деловые

разговоры вести за столом. И сразу с порога шагали именно туда. Что предпочитали отец и сын Ганьшины, оставалось только догадываться. Но, кажется, Эльза младшему Ганьшину понравилась. Он просто глаз с нее не сводил. И принялся что-то говорить ей вполголоса. Кажется, даже не по-русски. Смутить задумал? А на вот, выкуси! Эльза блестящее образование получила. И не в России, между прочим. И тоже принялась лопотать что-то в ответ. И они рассмеялись.

А? Что? Дело слаживается? Выйдет из наследника зять, а? Как там, бишь, его? Егорка, кажется. Егор Викторович, стало быть.

Они вошли в столовую, расселись, как-то сразу правильно заняв свои места, хотя никто никого не рассаживал. Сам Сафронов во главе стола. Справа Ганьшин-старший. Слева Нелька. Рядом с отцом сын. Напротив Эльза. Рядом с Егором Вова. Напротив него Александр Говоров.

Черт! Вот это бы ни к чему. Он, получается, сел рядом с Эльзой. Это Сафронову не понравилось. Он кишками чувствовал, что этого блондина надо держать на расстоянии. Если он не уедет вместе с Ганьшиным-старшим, а это вряд ли случится, то надо будет поселить его во флигеле. Нечего ему в этом доме отираться. Охранять своего друга он сможет и на расстоянии. Благо оно в двадцать метров.

Разговор за столом не клеился. Сафронов медленно, но целенаправленно напивался. Ганьшин-старший пил меньше, но хмелел быстрее. Вова скупно улыбался и все больше жевал. Егор...

А Егор сидел и игрался с мобильным телефоном. Переросток хренов! Пить не стал. Есть почти ничего не ел. На Эльзу почти не смотрел. В разговоре участия не принимал. Что у этого залетного москвича на уме? Черт его знает!

– Может, останетесь? – спросил Сафронов у отца и его помощника безо всякой надежды. – Куда на ночь-то?

– Ничего, ничего, здесь недалеко. – Ганьшин слегка покачивался от выпитого и казался вполне довольным. – Жаль, о делах не удалось поговорить. Но, думаю, времени у нас впереди предостаточно.

– Думаю, да, – кивнул Сафронов, сильно в этом сомневаясь.

Егорка, хлыщ московский, после ужина, сославшись на усталость, сразу запросился в отведенную ему комнату. И даже с отцом не простился. А с Эльзой лишь перекинулся парой слов. И все в телефон тарачился, прежде чем скрыться за дверью. И через пять минут свет в его окнах погас.

Ну что за жених, а? Он, конечно, был бы против, полезь тот к Эльзе под платье. Но приличия-то необходимо было соблюсти, нет? Хотя бы кофе вместе выпили бы на веранде.

– Чмо московское! – скрипнул зубами Сафронов, выйдя из душа и падая на кровать рядом с Нелькой. – Толку не будет. Зря мы все это затеяли.

Нелька промолчала, сосредоточив все свое внимание на его сосках. Она искупалась раньше и пласталась голышом на его кровати уже минут десять.

– Хватит! – прикрикнул на нее Сафронов и звонко щелкнул ее по заду пятерней. – Хватит лизаться! Я о деле с тобой хочу говорить.

– Говори, любимый, – промурлыкала она сытой кошкой и шлепнулась сиськами о его бок. – А то я усну!

– Некогда спать. – Он сдвинул ее на самый край, глянул строго. – Одевайся давай.

– Зачем?! – Ее нижняя губа обиженно вывернулась. – Надоела?!

– Дура, – беззлобно отозвался Сафронов. – Одевайся. Пойди послушай, о чем Саша с Эльзой разговаривают. Они ведь до сих пор на веранде сидят?

– Я голой на улицу не выходила, чтобы знать, – огрызнулась она.

Неля сползла с кровати. Дотянулась до шелкового халата, натянула его прямо на голое тело.

– Так и пойдешь? – вытаращился Сафронов.

– А как надо?! – огрызнулась она.

– Вот шалава! – выдохнул он почти восхищенно, жадно рассматривая ее зад, плотной массой колышущийся под шелком. – Ладно... Все равно никого нет. Им на глаза не попадайся. Просто послушай, о чем они там разговоры говорят, и пулей сюда, к папочке...

Сафронов задремал сразу, как подол ее халата исчез за дверью. Накрыло, будто в яму черную упал. И не сразу понял, когда разлепил глаза, что делает в его спальне Нелька. И почему у нее глаза такие тревожные.

– Ты чего, сбесилась? – прикрикнул он и сбросил с себя ее руки. – Чего трясешь?

– А чего ты спишь, как умер?! – зашипела она. – Я испугалась!

– О господи... – выдохнул он, надувая щеки, потер лоб, зевнул. – Который час?

– Половина двенадцатого.

– Ночи?

– Ну не утра же, Илюша! Я полчаса назад из спальни вышла. Чего ты?!

– А куда ходила-то?

В голове у него все смешалось. Гости, ужин, дочка, явно не сумевшая удержать внимание Егора. Что потом?

– Я ходила подслушивать. Ты велел. Эльза сидит с этим ментом на веранде. И разговаривает. Ты велел послушать, о чем. Не помнишь, что ли? – Неля изумленно моргнула раз-другой.

– Ну! Помню, – он не помнил точно, как посылал ее, но понимал, что это важно. – И о чем они говорят?

– Дело дрянь, Илюша! – вдруг выпалила Нелька и побледнела. – Дело дрянь!

– То есть?!

Он резко сел на кровати. И головная боль прошла виски и затылок. Сафронов застонал.

– Голова? – сочувственно сморщилась Неля. – Что? Таблетку?

– Коньяку плесни, дура, – прошептал Сафронов. – Таблетку! Стану я кишки травить дерьмом твоим химическим. Быстро сто граммов, ну!

Она метнулась к шкафу, закрывающему северную стену от угла до угла. Распахнула среднюю узкую створку, за которой прятался миниатюрный бар. Налила ему в рюмку. Поспешила обратно. Подождала, пока он выпьет, и прошептала снова:

– Илюша, дело-то плохо!

Он минуту сидел с закрытыми глазами, время от времени чмокая языком, смакуя послевкусие. Потом, не открывая глаз, произнес:

– Говори.

– Этот мент не разговаривает с ней, Илюша! Он ее допрашивает!

– В смысле?

Он осторожно приоткрыл глаза, прислушался к боли. Она потихоньку отступала. Не надо было все же мешать спиртное за ужином. Не знал, что делать, как себя вести с гостями. И надрался, как извозчик. Не надо было.

– В смысле, допрашивает? – повторил он, сосредоточившись на бледном Нелькином лице.

– Про память ее. Про клинику в Швейцарии. Про шрам на запястье. И самое главное, про таблетки!

– Что, что, что? Про таблетки? – он сунул ей пустую рюмку, скомандовал: – Налей еще. Ничего не соображу.

Неля послушно ходила за коньяком. Налила чуть больше, вставила рюмку в его непослушные пальцы. Дождалась, пока он выпьет, подышит тяжело и глубоко. И снова зашептала:

– Он спрашивает ее о лечении, которое ей проводят. Что, говорит, за препараты вы принимаете, Эльза?

– Так и спросил? – не поверил Сафронов. И округлил мутные глаза. – Ему-то что за дело?!

– Илюша, ты что? Не понимаешь ничего, да?

– А что я должен понимать?

Он с сожалением повертел в руках пустую рюмку, намереваясь продолжить. Неля сразу сообразила, отобрала, опустила ее с грохотом на прикроватную тумбочку. Сердито выпалила:

– Он здесь не просто так, Илюша! Он здесь выполняет определенную миссию!

– Ясно какую, охраняет сына Ганьшина, – вяло пожал плечами Илья и упал спиной на подушки.

Его снова поволокло в сон. Слушать тревожный шепот Нельки стало неважно. Захотелось, чтобы она выключила наконец свет и утомилась. До утра, все до утра. Вечер не задался, разве не понятно? И состоявшееся знакомство было смазано идиотской потребностью сына Ганьшина все время играть с мобильным телефоном. Может, математики все такие странные? Может, он не игрался, а считал что-нибудь? Сафронова совокупный доход, к примеру, а?

– Он охранник, Нель. – Илья протяжно зевнул, потянулся к ней громадными ручищами. – Иди к папочке, детка. Убаюкай его.

– Да на хрен ему сдался этот сынок, чтобы его охранять! – разозлилась она, уворачиваясь. – Он к его двери даже не подошел ни разу. Разве так ведут себя охранники?! Выслушай меня наконец, Илюша! Я что, зря мерзла на сквозняке полчаса, подслушивая?!

– Ну! – Он сделал над собой усилие и разлепил веки. – Ничего же не случилось, детка.

– Сегодня – да. Завтра – может.

– И что может случиться завтра? – Сафронов снова закрыл глаза и задышал ровно и спокойно, так он обычно засыпал.

– Завтра...

Ей внезапно стало скучно. Будто кто рукой провел по ее лицу, разгоняя смуту и обостряя зрение.

А чего она, в самом деле? Ей-то что? Родному папочке нет дела до того, как сейчас залетный мент его доченьку обрабатывает. А ей надо?

Ну, догадалась она, что Говоров этот Александр приехал сюда разузнать все, что можно и нельзя про Эльзу. Так это любой догадался бы. Он со своим так называемым другом детства за весь вечер парой слов не перекинулся. А с девушки глаз не сводил. И после ужина к ней будто прилип. Вывод? Он тут из-за нее. Особо догадливой не надо было быть, чтобы понять. И Илья утром прозреет. Когда трезвым будет. Сейчас с него толку никакого. Спит как мертвый. Может гореть все вокруг, он не проснется. Она знала.

– Завтра будет завтра, – пробормотала Неля и зевнула, закрывая глаза. – Завтра может быть для всех для нас сюрпризом, Илюша...

Глава 7

Разбудило его пение птиц. Он удивленно повертел головой на подушке, не понимая. Конец августа, какие птицы? Только потом понял. Это в саду у Сафронова в клетках надрываются канарейки. Он вчера, когда шел от ворот, видел клеток этих великое множество. А им прикажут, до морозов станут петь. У них, у богатых людей, все так. Они могут управлять миром, людьми, зверьем и птицами. А попутно еще и воспоминаниями.

Вспомнив вчерашний вечер, он нахмурился.

Сегодня ему станет звонить Вова, помощник Ганьшина. Спрашивать о результатах. А у него что? А у него почти ничего. Девушка ничего не помнила из своего прошлого. Ничего! Ее жизнь началась десять лет назад. В тот день, когда она на больничной койке в Швейцарии впервые открыла глаза, выйдя из глубокой комы, которую спровоцировал тяжелейший стресс.

Ничего. Пустота. Омут. Пропасть, в которой погибла ее родная сестра, сорвавшись вниз.

– Единственное, что помню, это холод, – прошептала она в какой-то момент, уставив немигающий взгляд на Сашу. – Дикая холод. Я вся сжалась в комок. И отец... Он кричит...

– А что?.. Что он кричал? – настойчиво повторял Саша, не боясь показаться невежливым, он, черт побери, тут на работе.

– Я не помню. – Эльза растерянно оглядывалась вокруг себя так, как если бы потерялась. – Я даже не уверена, что помню это.

– Как это?

– Иногда мне кажется, что это мне просто приснилось...

Вот и вся история. И что он сможет вытянуть еще? Она, правда, пообещала сегодня принести ему таблетки, которыми потчует ее Ерофеев Андрей Сергеевич. Но Саша не был уверен, что у нее получится. По словам Эльзы, противный доктор всегда стоит перед ней со стаканом воды и дожидается, когда она проглотит.

– Я попробую, – пообещала она и ушла к себе.

Саша пошел во флигель, где его разместили. И проторчал без сна в тесной комнате часов до четырех утра. В комнате сначала показалось душно, он распахнул окно, расположенное под самым потолком. И тут же замерз. А мерзнуть он не терпел. Закрыв окно, но оказалось, что за то время, что он проветривал комнату, налетела стая комаров, и ему потом пришлось прятаться с головой под одеялом. Чтобы не слышать отвратительный писк летающих гнусов. Одежало странно пахло, и его тут же затошнило, стоило представить, кто и чем на нем занимался. Он вылез из кровати, сел в плетеное кресло, поставив его в дальний от входа угол. И задумался.

Из головы не шла нелепая ситуация, в которую он попал. Зачем ему это? Кто сказал, что для его карьеры важно заниматься личной жизнью избалованного странного Егора Ганьшина? А парень-то был странным, хотя и старался таковым не выглядеть. Но что-то с ним явно было не так. Неужели вездесущий Вова не замечал? Вряд ли. Может, потому и утащили парня из Москвы подальше, чтобы женить? А на ком? Эльза со своим загадочным прошлым как нельзя лучше подходила ему. Он странный, что-то точно скрывающий. Она без памяти. Прекрасная пара!

Саша задремал прямо в кресле. Во сне заворочался и свалился на пол. Ушиб локоть и перебрался на кровать. И проспал. До которого часа?

Он потянулся к своим часам, которые положил на круглый стеклянный столик рядом с кроватью. Глянул. Половина десятого. На завтрак приглашали к десяти. Пора было подниматься.

Он принял душ. Переоделся в другую одежду. Вова заставил купить несколько комплектов, щедро снабдив денежными средствами. Глянул на себя в зеркало. Кисло улыбнулся сво-

ему отражению с грустными глазами и пошел на улицу. И вздрогнул, распахивая дверь, хотя не был робким.

– Здравствуйте, Саша. То есть доброе утро.

На пороге флигеля, прилипнув задом к перилам крыльца, стояла Эльза. Широкие светлые джинсы, бесформенная шерстяная кофта шоколадного цвета, тупоносые грубые ботинки. Волосы убраны в хвост. Лицо неестественно бледное, губы бесцветные. Складывалось ощущение, что девушка только что пережила какое-то душевное волнение. Хотя пойми их, чокнутых! Может, они с утра всегда такие!

– Доброе утро, Эльза. – Саша осторожно улыбнулся. – Меня что, потеряли?

– Почему? – она испуганно моргнула. – Почему вы так решили?

– Ну... Вы здесь так рано.

– Нет, я не искала вас. – Ее спина выпрямилась, пальцы нырнули в широкие рукава, взгляд скользнул вдоль тротуарной дорожки, упирающейся в крохотное озерцо. – Я знала, что вы еще не выходили. Здесь всё и все на виду.

– Понятно. – Он прикрыл дверь, обошел девушку, не зная, как реагировать на ее визит. – Егор еще не выходил?

– Что? – она вздрогнула. – Егор? Какой Егор?

О господи! Он чуть не выругался. Доложить Вове все же будет что. Если они любят своего мальчика и желают ему добра и счастья, то пускай забирают его отсюда как можно быстрее.

– Егор. – Саша встал на дорожке, сунул руки в карманы новеньких брюк, качнулся на каблуках новеньких туфель. – Парень, что вчера приехал вместе со мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.